

СОЛОВЬЕВ-НЕСМЕЛОВ

СЧАСТЛИВ.

ГОДЫ

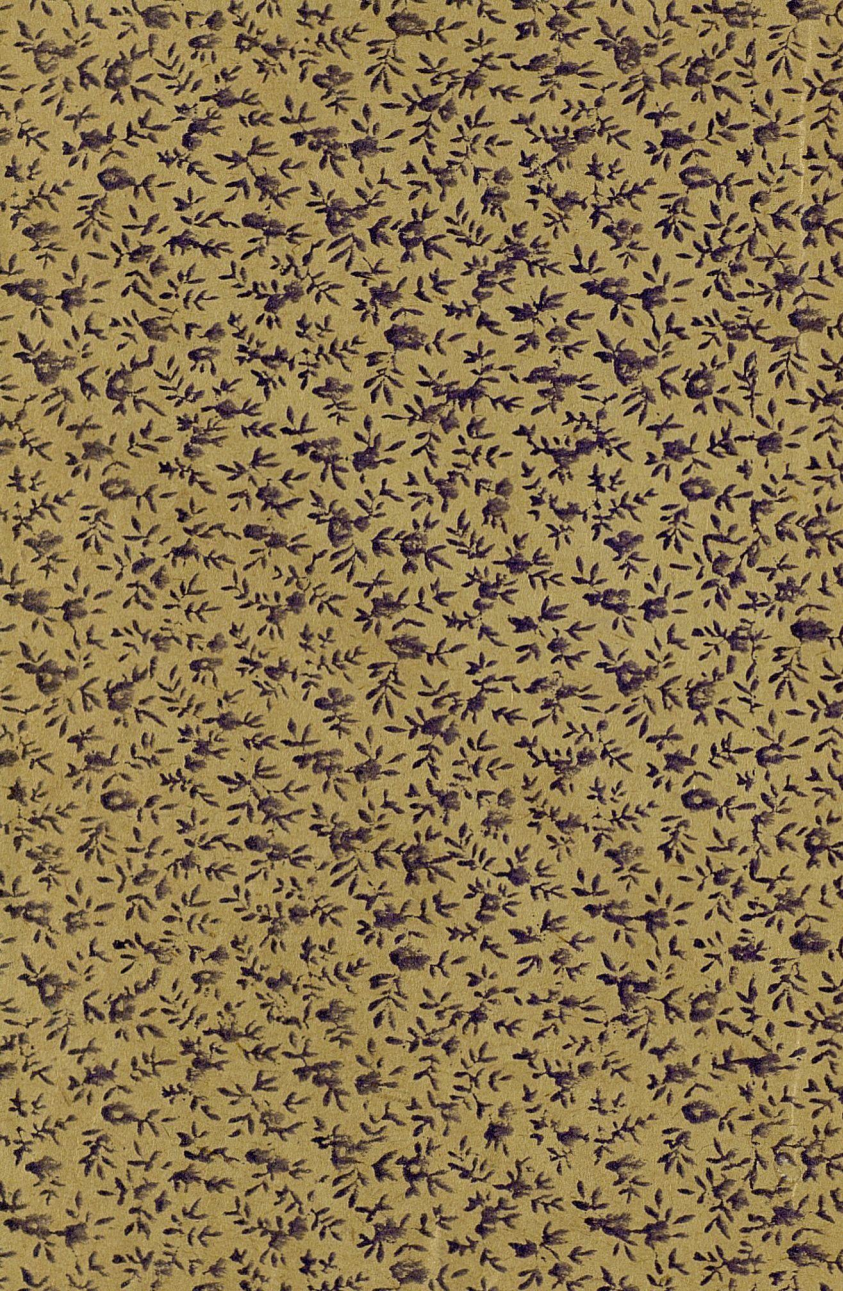
u

24

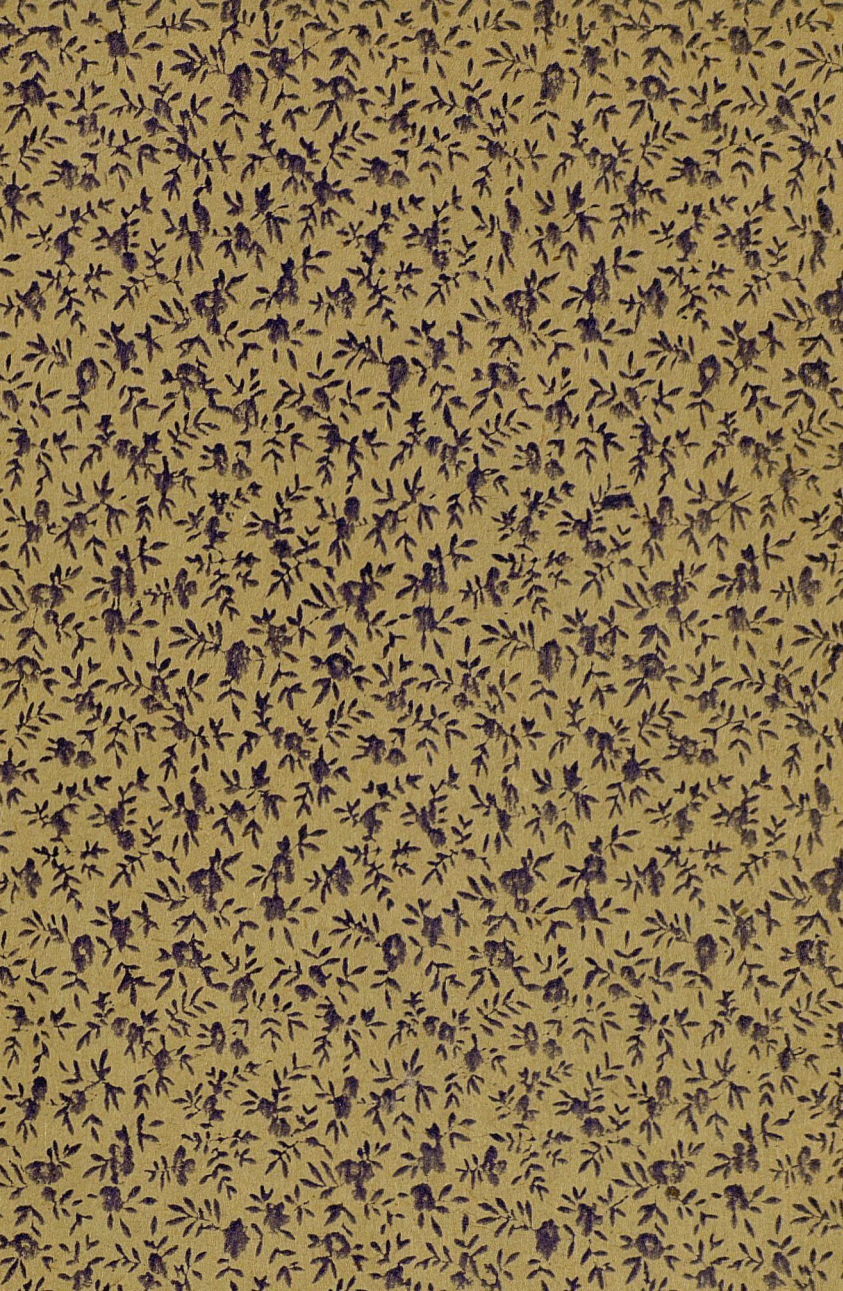

439

4307

РАСТУЩАЯ

СКОРНИКЪ
РАЗСКАЗОВЪ

И. Д. Соловьева-Несмѣлова

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.

СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ.

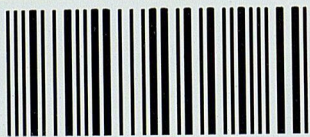
СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Со многими рисунками.

ИЗДАНИЕ 2-е Т-ва И. Д. СЫТИНА,

2007085517

Типографія Т-ва И Д. Сытина, Лятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1908,

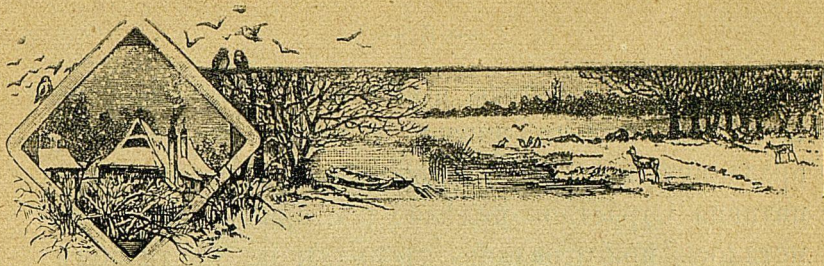

СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ.

Красное яичко.

Была поздняя Пасха. Весна давно уже пригрѣвала горы, долины, лѣса, большія и малыя рѣки. Ледъ трещалъ, сердился, глухо ворчалъ, передвигаясь широкими пластами внизъ по теченію рѣкъ, весь исхудалъ, истаялъ и замолкъ; рыхлый снѣгъ переродился въ игривые ручьи, и земля ожила подъ теплыми, ласковыми лучами весенняго солнечнаго припека. Травка за травкой ползла на просторъ и свѣтъ Божій, показались уже и первые цвѣты новой весны. Жаворонокъ, кружась, заливался въ голубой прозрачной выси; скворцы нашли себѣ уже готовыя квартиры на вышкахъ чистенькихъ скворешень, расплачиваясь каждое утро за это помѣщеніе звучной пѣсней съ прищелкиваніемъ и присвистомъ на соловьиный ладъ. Дѣти свободно уже бѣгали въ легкихъ костюмахъ по двору, по саду,

начинавшему зеленѣть, и по улицѣ, тоже хлопотавшей, гдѣ только можно, пустить къ свѣтлому празднику хоть узенькую полоску зелени. Была пятница Страстной недѣли; все прибиралось, приметалось, приготавливаясь къ празднику. Дѣти помѣщика Броницына, Нина и Витя, сновали повсюду, заглядывая въ кладовую къ тетѣ Анѣ, хлопотливой, крѣпкой еще старушкѣ, весь почти день не пресѣвшей и столько возившейся съ куличами, пасхой, разными бабами и крашеньемъ яицъ подъ личнымъ ея надзоромъ, что чепецъ старушки съ широкими кружевами совсѣмъ сбился на бокъ; а она этого и не замѣчала.

— Тетя, милая тетя, а намъ-то будутъ маленькіе куличики и яички отъ бѣлой шпанки?! Ты вѣдь общала!.. — щебетали, какъ птички, ласкаясь къ теткѣ, и бойкій Витя и бѣлокурая Нина, золотистые кудри которой такъ и прыгали по раскраснѣвшемуся лицу и по захудалымъ плечамъ, какъ живые...

— Успокойтесь, успокойтесь, и куличи вамъ будутъ и яйца вашей шпанки...

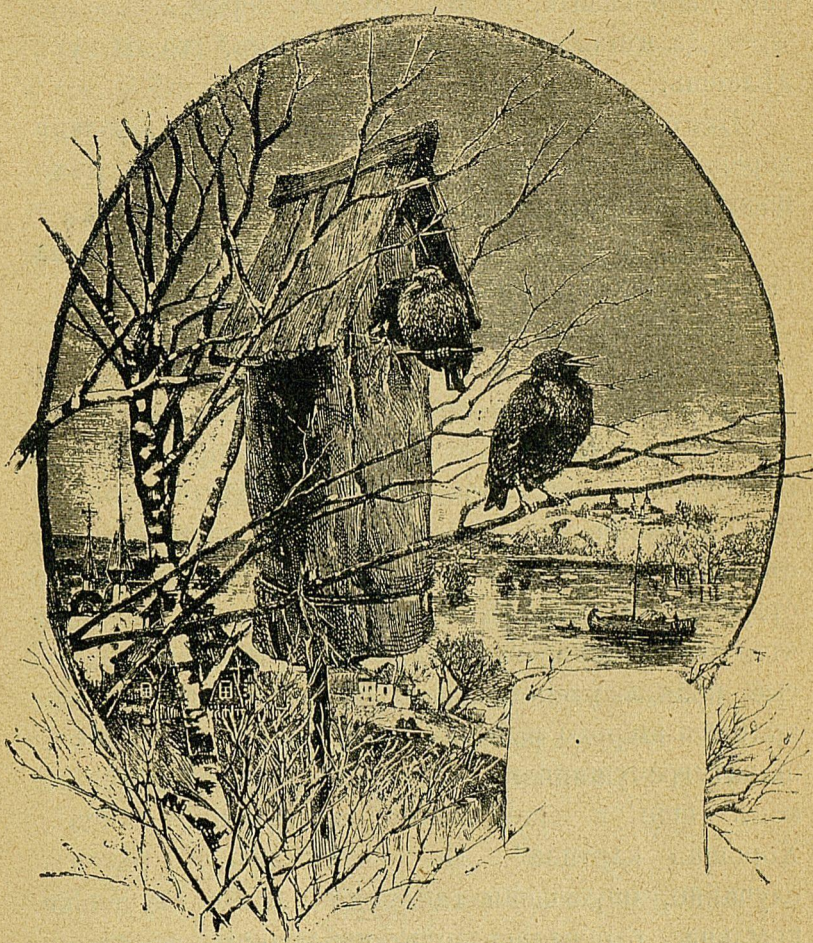
Витя, поглядывая издали и предвкушая всѣ удовольствія предстоящаго праздника, все-таки соображалъ и о настоящемъ: нельзя ли чего отъ доброй тети заполучить именно теперь.

— Тетя, миндаль-то вѣдь не скоромный?..

— А что, миндалю захотѣлось? Потерпи, голубчикъ, въ куличѣ его получишь...

— Дай намъ теперь съ Ниной... не-мно-же-ч-ко...

Скворцы нашли уже себѣ готовыя квартиры.

— Идите-ка вы въ дѣтскую, тутъ вамъ не мѣсто; еще напроказите, и мама будетъ сердиться.

— Да нѣтъ... мы только поглядимъ, что ты тутъ дѣлаешь...

«Бумъ-бумъ-бумъ!..» раздалось съ колокольни деревянной сельской церкви... Тетя Аня и дѣти поспѣшно перекрестились...

— Ну, вонъ и къ вечернѣ звонять, — идите-ка вы въ церковь, приложите къ плащаницѣ.

Дѣти выбѣжали изъ кладовой на высокое крыльцо; звонъ еще яснѣй и гуще разливался по теплomu воздуху, манилъ и звалъ къ себѣ все население — и старыхъ и малыхъ. И народъ шелъ къ церкви одинъ за другимъ. Дѣтей заняло это движеніе: вонъ идетъ такъ плавно баба съ ребеночкомъ на рукахъ, вонъ вся согнутая старуха съ клюкой еле передвигаетъ ноги и что-то шепчетъ сморщенными губами, вонъ босые ребята улепетываютъ, обгоняя всѣхъ, вонъ шагаетъ широко рыжебородый мужикъ въ высокой шляпѣ гречушникомъ, съ перехватомъ по серединѣ... вонъ еще и еще живыя праздничныя лица... Хорошая картина!.. Но дѣти какъ-то разомъ, случайно, опустивши глаза на нижнія ступеньки крыльца, оторвались отъ наблюденій улицы и движенія по ней: ихъ отвлекла отъ этого маленькая бѣлая курочка-шпанка; она, прыгая со ступеньки на ступеньку, то и знай повторяла: «Тете-те, такъ-такъ-такъ!..» — а сама все оглядыва-

лась кругомъ... Это была любимица дѣтей, и звали они ее Машей...

— Маша, Маша, что тебѣ?..—закричалъ первый Витя. — Вѣрно, проголодалась?!

— Нѣтъ, вѣдь мы ужъ ее кормили; она, видно, яички свои ищетъ, видишь, вездѣ заглядываетъ!.. И какъ печально что-то по-своему говорить, будто жалуется на что.

— Ступай, ступай, Маша, — снеси еще себѣ новое яичко, а твои прежнія намъ тетя красить на праздникъ...

« Те - те - те, такъ - такъ - такъ! » разговариваетъ курочка, нерѣшительно поглядывая по сторонамъ.

— Нина, Витя!.. Гдѣ вы? Пойдите-ка, одѣньтесь... пора въ церковь!.. — слышался голосъ матери, а потомъ показалось и ея бѣлое серьезное лицо... И дѣти поспѣшно направились къ матери, оставивъ озабоченную чѣмъ-то курочку, тихо сходявшую внизъ по ступенямъ крыльца опять во дворъ; ее отгоняла прочь быстрымъ прыжкомъ довольная Валетка, разомъ откуда-то подскочившая къ дѣтямъ.

* * *

Вотъ и суббота... Еще немного, и послышатся въ церкви на улицѣ, въ домахъ: *Христосъ воскресе!* — *Воистину воскресе!* Какъ всѣмъ весело, пріятно ждать этого праздника, — особенно дѣтямъ!.. Сколько каждому заботъ, хлопотъ и радости потомъ... Куличи, пасхи готовы и убраны ожерельемъ крас-

ныхъ яицъ. Вонъ Нина съ Витей видятъ—и ихъ куличики и красненькія яички умѣстились тутъ же въ сторонкѣ, на бѣлой скатерти круглаго стола.

— Прилягьте,—говоритъ утомленнымъ голосомъ тетя,—сосните, а какъ только проснетесь—все вамъ и готово... И праздникъ свѣтлый прійдетъ съ утренней зарей...

Но дѣтямъ не спится, раздѣлись они, и уже въ кровати, а то и знай перекликаются:

— Ты, Витя, не спишь?

— А ты, Нина?

— Нѣтъ!.. Скоро заря ужъ съ праздникомъ прійдетъ: того и гляди, она въ окнѣ покажется... Поди, ужъ она близко, тамъ, за горой, за лѣсомъ идетъ... Что это она тамъ долго такъ копается?! Вотъ если бы я была зарей—то, —шепчетъ Нина,—такъ я бы все бѣгомъ-бѣгомъ и скоро бы ко всѣмъ прибѣжала...

Дѣти умолкли, а заря какъ разъ тихо и подкралась, выглянувши, дѣйствительно, надъ лѣсомъ лиловой полоской, все шире и шире разливаясь по небу и алѣя, подползая ближе и золотя верхушки дремавшаго бора; а дѣти спали крѣпко и видѣли хорошіе сны; не слышали они, какъ весело звонили колокола на высокой колокольнѣ: «Динь-динь-донъ!.. динь-динь-донъ!.. дзинь-дзинь-дзинь!.. бумъ-бумъ!.. трень-динь-донъ!..»—такъ часто, скоро, какъ будто, захлебываясь, выговаривали: «Радость, радость

вамъ!.. Радость бѣднымъ и богатымъ, радость малымъ и большимъ!..» Народъ широкой волной уже двигался изъ церкви; всѣ крестились, лица сіяли улыбкой; ребята прыгали, старики вели неспѣшные разговоры; всѣ обнимали другъ друга и цѣловались.

— Нина, Нина! Ужъ Пасха пришла, — вскочивши съ кровати, кричалъ надъ ухомъ сестры Витя.

Дѣти наскоро одѣты и стоятъ уже въ большой залѣ; полный священникъ кропитъ водой пасху, куличи, яйца. Тетя Аня сунула Витѣ и Нинѣ по маленькому яичку, сказавши: «Идите, похристосуйтесь съ батюшкой!» Витя подошелъ первый. Нина немного замѣшкалась; она еще разсматривала свое яйцо, поглаживая его тонкими пальцами; ей, видимо, жалко было съ нимъ разстаться, но подошла и она. Батюшка сказалъ: «Христось воскрес!» Она замаялась и забыла, что ему отвѣчать, промолчала и сунула свое яичко въ полную руку о. Михаила; онъ поцѣловалъ ее, сунулъ яйцо въ широкий карманъ, погладилъ Нину по головѣ и далъ ей большое лиловое яйцо. И жалко, очень жалко стало Нинѣ своего маленькаго яичка любимцы — шпанки...

Въ это время всѣ уже разговѣлись освященнымъ куличомъ и пасхой, лица у всѣхъ были веселыя, улыбающіяся, одна Нина выглядывала печально, — но ея вначалѣ никто не замѣчалъ. Дѣвочка усѣлась на стулъ въ углу и, казалось, о чемъ-то озабоченно раздумывала...

— Что ты, Нина? Что съ тобой?..—вдругъ надъ ухомъ ея раздался голосъ тетки. — Какая радость пришла, а ты запряталась тутъ, сидишь, опустивши голову!..

— Ничего, тетя... А у меня яичка-то и нѣтъ!..— сказала почти шопотомъ дѣвочка, и наворачнулись у нея слезинки, нѣкоторыя изъ нихъ, вѣрно, отъ непосильной сдержанности даже попали въ ея горло; она захлипала и заикала.

— Какъ нѣтъ?.. Да у тебя же, видишь сама, въ рукахъ яйцо!

— Да это батюшка мнѣ далъ, а маленькое-то я ему отдала...

— Такъ сказала бы мнѣ... Что это, Господь съ тобой... Кто же нынче плачетъ и грустить... Птица, и та радуется...

Вотъ и другое маленькое яйцо у Нины; она рада, счастлива, весела и довольна... прыгаетъ, скачетъ изъ комнаты въ комнату, хочется ей поболтать съ братомъ; но тотъ что-то упорно возится въ дѣтской съ новой шкатулкой, которую недавно подарила ему мама.

— Будетъ тебѣ, Витя, пойдемъ... Что я тебѣ расскажу... Знаешь, я придумала!.. — звенить голосокъ Нины.

— Что тамъ придумала?

— А вотъ что: давай положимъ наши яички въ коробочки, которыя у насъ уцѣлѣли отъ хорошихъ конфетъ, знаешь, что дядя Митя на Рождество намъ

На Пасхѣ.

привезъ... Да-да, положимъ,—припрыгивая, тараторила Нина.

— Ну, положимъ, а потомъ? — выпрашивалъ Витя, желая знать, что дальше будетъ.

Нина, нагнувшись, чуть не шопотомъ, таинственно проговорила:

— Положимъ и укутаемъ ихъ ватой, — у меня много ваты, — у насъ и будутъ съ тобой цыплятки... свои... наши... лиловенькіе, красненькіе... разные... — И дѣвочка захлебывалась отъ удовольствія, дальше не могла она, кажется, выговорить уже ни одного слова... Витя, покачавъ головой, только и могъ на это проговорить:

— Что ты, что ты?

— Да, такіе будутъ, какихъ нѣтъ ни у кого!

— Ничего не будетъ, — яйца-то вѣдь испеченыя, да и курица на нихъ не будетъ сидѣть!..

— Ну, ты не хочешь, такъ я одна... свои только уложу, — только ты, смотри, никому, никому не говори... ни папѣ, ни мамѣ, ни тетѣ... И Никитѣ кучеру не проговоришь, — оглядываясь и озираясь даже на стѣны, скороговоркой высказалась Нина и тутъ же скрылась.

Витя опять принялся за свою шкатулку, а Нина, пробравшись на цыпочкахъ чрезъ столовую и убѣдившись, что вблизи никого нѣтъ, принялась укутывать большое лиловое и маленькое красное яйца въ вату. А затѣмъ, размѣстивши ихъ по угламъ плетеной изящной бонбоньерки, натолкала туда еще

ваты, сколько могло ея умѣститься. Бонбоньерка спрятана въ укромное мѣсто; Нину теперь одно беспокоило и отравляло всю сладость надежды видѣть лиловаго и краснаго цыплятъ, — это то, за чѣмъ она выдала свою тайну брату — Витѣ: проболтается онъ, непременно проболтается, всѣ ужъ прежде времени будутъ знать... А кто знаетъ, отъ этого, пожалуй, не захотятъ показаться и ей даже цыплятки.

И она сдѣлалась особенно озабоченна и задумчива, такъ что на другой день, когда мама, встрѣтивши ее поутру и желая улыбкой развеселить дочку, сказала: «Будетъ тебѣ, Ниночка, старушкой-то расхаживать», ей показалось, что мама все знаетъ, потому-то такъ и улыбается... У Нины даже чуть было не навернулись слезинки, но она постаралась поскорѣй улыбнуться и проскользнуть потихоньку навѣстить свои яички. И какъ же она была удивлена, когда увидѣла, что оба яичка лежатъ не по угламъ, а одно около другого, и даже одинъ тонкій слой ватки обвивалъ ихъ дружески; бонбоньерка была плотно прикрыта. Что за диво!.. Яички другъ съ другомъ перешептались и уже сдружились: какъ это? Это приводило суевѣрную дѣвочку къ разнымъ предположеніямъ. Мама хотя и начала уже съ ней болтать разныя обыденныя фразы по-французски, но старая няня и прислуга своими сказками дѣйствовали на ея воображеніе сильнѣе, магически. И вотъ ей представилось, что молчали-

выя на глаза другихъ яйца сговорились противъ нея, когда лежали въ ваткѣ. И она наклонилась ухомъ, и ей вдругъ показалось, что яйца, дѣйствительно, будто шептались. Она поблѣднѣла, дрожь пробѣжала по ея тѣлу, волоса поднялись дыбомъ на головѣ, и она стала еще усиленнѣе вслушиваться... Зрачки ея расширились, ей захотѣлось заглянуть за цвѣтную скорлупу яицъ... Да, они шепчутъ — мерещится Нинѣ, — вонъ-вонъ...

Ты не шевелись, нѣжинка-дворяночка, — шептало лиловое яичко, — а то какъ разъ тебя еще придавишь... Ты вѣдь горькой жизни не знала и никогда не узнаешь; мы—простыя дѣти простыхъ, крестьянскихъ куръ, сухопарыхъ, сморщенныхъ. Вотъ меня безхвостая мать прямо такъ въ грязь въ хлѣбѣ и положила... Тогда хрюкнула свинья, а она закудахтала-закудахтала да скорѣе отъ меня дальше, чтобы только самой убрать по-добру, по-здорову поджарыя ноги, а отецъ-то мой, весь почти въ полиняломъ платѣ, не подошелъ и полюбоваться на свое дѣтище... Такъ я и думало, что тутъ и жизни моей конецъ,—вотъ-вотъ придавить эта страшная, грязная вислоухая скотина или со всѣмъ съѣсть, только захрустятъ у ней на зубахъ мои скорлупки. Зачѣмъ я явилось на свѣтъ?—думалось тогда, да тамъ и свѣту было мало... Прошла свинья, прохрюкала, простонала; на что она жаловалась, я не могу понять, — видно, на хозяина, у котораго и грязи много, да корму мало... Растяну-

лась свинья и чуть меня грязью не забросала... И чего только тамъ я не наслушалось, а потомъ не натерпѣлось! Къ ночи собрались въ хлѣвушкѣ всѣ куры и моя безхвостая мать тоже, привелъ ихъ отецъ такой невеселый... Рябенькая курочка все толковала, что житье имъ плохое, корму мало, всѣ зобы подвело, — вонъ у старостиныхъ куръ не то что ухвостья, а и чистаго зерна много... Желтая тетка, самая старая во всемъ курятникѣ, унижала ее: «Эхъ, молода ты, съ наше-то не видала, что по другимъ дворамъ дѣлается: вонъ на барскомъ дворѣ нашу сестру не то, что зерномъ, а и сладкимъ творогомъ балуютъ; мнѣ, — говорить, — сосѣдній пѣтухъ сказывалъ, онъ не разъ бывалъ тамъ, да зато скоро имъ головы вертятъ, да и въ супъ полѣзай, а у насъ этого ни-ни, каждую курочку берегутъ; яички вотъ отбираютъ, да это ужъ вездѣ порядки такіе изстари у людей ведутся: согрѣвай, носи яйцо, — а показалось оно на свѣтъ, и слѣдъ его простылъ, не дадутъ и полюбоваться своимъ-то роднымъ, подсѣсть къ нему по-милому, по-желанному». И тогда мнѣ казалось, что въ старомъ горлѣ старой курицы дрожали слезы. Но слышу, курочка-культяпка сбоку шепчетъ черной своей подругѣ, закатывавшей постоянно глаза: «Ты что думаешь, черноперка, наша старая плакальщица и въправду убивается... Повѣрь только. Все притворяется, прикидывается печальницей на старости лѣтъ; а сама, какъ только выходитъ изъ

избы хозяйка, раньше всѣхъ къ ней подбѣжить и — «те-те-те» — пустится ластиться и захваливать ее да на другихъ наговаривать и все изъ-за этого проклятаго хорошаго зерна, чтобы ей одной, вишь, оно досталось, — а тутъ тоже прикидывается за всѣхъ радѣльщицей... Тсъ, какъ бы еще ни наговорила на насъ съ тобой». — «Нѣтъ, ты хоть и стара, тетка, слова нѣтъ, что ты ужъ не мало лѣтъ прожила, — стояла на своемъ рябушка, — а одного еще въ толкъ не возьмешь: завель онъ, хозяинъ-то, насъ, — ну, и корми, какъ слѣдуетъ, а не держи впроголодь... Ужъ, по-моему, если нельзя отъ супа спрятаться, такъ хоть немного дней, а поживешь въ свое удовольствіе, чѣмъ такъ-то томиться...» — «Будетъ, будетъ вамъ, болтушки, — то не такъ, это не этакъ!.. — крикнулъ на нихъ недовольный отецъ. — Садитесь-ка на насѣсть и головы поскорѣе прячьте на покой подъ крылья, благо они цѣлы... Или и того не замѣчаете, трещотки, что на дворѣ ройся, вволю ищи, если что тамъ найдется подходящее для зоба, — а хозяинъ?... Хозяинъ, иль не видите, самъ живетъ впроголодь, у самого частенько животы подводить... Вѣдь слышали, какъ онъ кричалъ на хозяйку: «Приберегай хлѣбецъ-то, не до курей тутъ, не дотянемъ до новаго... А тамъ еще не знай, какую погоду пошлетъ Господь на новый-то...» И весь курятникъ притихъ. Какъ я ночь провело въ темнотѣ да въ грязи — ужъ и не знаю... Утромъ меня мальчоночка нашелъ и отнесъ матери съ радо-

стью. «Вотъ тебѣ, мамка, яйцо,—я его въ хлѣвушкѣ нашель, соблюди его къ Христову празднику», это мальчикъ-то сказалъ. И сунула меня хозяйка въ корчагу съ ѣдкой золой. Лежи тамъ, какъ камень, вдали отъ свѣта, родныхъ, всего милаго. Но и тамъ еще было ладно,—пришла бѣда и хуже той. Только было отлежалось я, какъ въ кипятокъ сунули, линючимъ сандаломъ измазали... Вотъ и гуляй такъ-то по свѣту, выродкомъ какимъ-то изъ всей семьи, на потѣху ребятамъ... Вотъ зачѣмъ-то насъ еще въ мякоть какую-то запрятали... Жди, томись... Когда только конецъ будетъ!.. Ты ужъ къ барамъ-то привыкла, нравъ ихъ знаешь, скажи, что дальше-то будетъ?!

Тутъ тоненькимъ голоскомъ пролепетало яичко шпанки:

— Не думай, чтобы насъ съѣли, — пошли играть, пока не надоѣсть... И мнѣ, повѣрь, не сладко такое житье, хоть и родилась я въ хорошей, покойной клѣтушкѣ, въ чистой, свѣтлой избѣ, — мать-то какъ любовалась, радовалась, глядя на меня. «Вотъ,—говорить,—пѣтушка выведу бѣленькаго, бойкаго...» Отняли у нея ея яичко, — вотъ тебѣ и пѣтушка вывела печальная матушка! Лежи въ коробкѣ да тѣшь маленькую барышню, — право, одна наша съ тобой участь, сестрица!..

И Нинѣ показалось, что маленькое яичко еще ближе прижалось къ лиловому товарищу... У нея голова закружилась, и она не помнила, что съ ней

дальше было. Нина слегла. Нина захворала и все бредила лиловенькими да красненькими цыплятками. Нянька сидѣла надъ ней по цѣлымъ ночамъ, не смыкая глазъ. Мама и тетя не отходили отъ ея кровати; дубовый круглый столикъ былъ уставленъ разными микстурами, примочками. Длинный, сухощавый нѣмецъ-докторъ навѣщалъ ее утромъ и вечеромъ, всегда начиная свое обращеніе неизмѣнной фразой:

— А, душенька, какъ тебя Господь Богъ милуетъ?! Дай-ка ручку, покажи-ка язычокъ... Отлично, — скоро мы съ тобой, душа, на балу запрыгаемъ!..

Но Нина пока не сползала съ кровати. Такъ прошла нерадостно для семьи Броницыныхъ вся недѣля Пасхи, шла къ концу и Ооминая. Теперь только послѣ своей обычной фразы: «Дай ручку, покажи язычокъ!»—Карлъ Оедоровичъ изрекъ торжественно:

— Опасность отлетѣла... Мы маленькой горячкой отдѣлались... простуда была... Ну, будемъ молодцомъ, барышня!

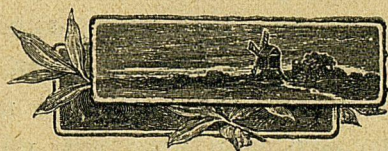
Прошло еще недѣли двѣ, и Нина стала двигаться по комнатѣ... И тогда-то она рассказала о лиловомъ и красномъ цыпляткахъ, о которыхъ она бредила безсильная, слабая въ кровати... И мать и отецъ смѣялись ея наивности, тетя добавила: «Ты у насъ такая нервная, береги себя!..» Витя былъ доволенъ, что сохранилъ тайну сестры, хотя не разъ и подмывало его сообщить объ

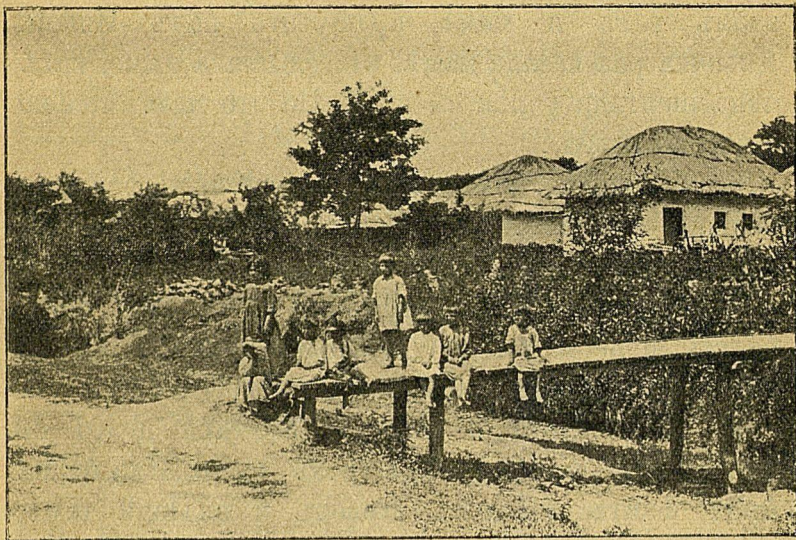
этомъ тетѣ и мамѣ, подшутить надъ Ниной. Дѣвочка рассказала мамѣ, что слышала даже, какъ яйца шептали у нея въ ватѣ. На это мать только и могла сказать :

— Успокойся, моя милая, это все твои фантазіи больной головы!.. Это значить, тогда ты расхвывалась, — вотъ тебѣ и грезилось такое несообразное... Видишь, ты и теперь еще не совсѣмъ оправилась, полегче говори, поменьше думай, — вотъ и не будешь грезить наяву!

Но Нина хотя и молчала, все-таки долго не могла очнуться отъ своихъ грезъ; ея головка полна была фантастическихъ сказокъ и видѣній тамъ, гдѣ другіе ровно ничего не видѣли. Такой ужъ она была ребенокъ, не даромъ у нея было такое прозрачное личико и глаза такіе томные, задумчивые, которые, вглядываясь въ каждый предметъ продолжительно изъ-подъ длинныхъ золотистыхъ рѣсницъ, казалось, хотѣли всюду проникнуть глубоко, сердечно.

Въ родномъ селѣ.

(Изъ воспоминаній ранняго дѣтства).

Весна уже больше мѣсяца гуляла по полямъ, лѣсамъ, разсыпая зелень, цвѣты и звонкія пѣсни. Село наше ожило, и родная

Волга засинѣла, заплескала и разлилась широко. Помню, была суббота. Колокола на нашей старой церкви громко созывали поселянъ къ вечернѣ. И плелись старики, старухи съ посошками по большой улицѣ къ зеленой оградѣ. Мы съ сестрой ко-

попились на куртинахъ... Хорошо въ нашемъ палисадникѣ, — сколько зелени, цвѣтовъ, и какъ весело возиться съ лейками... Сестра съ трудомъ поднимаетъ свою лейку, вся раскраснѣлась и хнычетъ; бросишься помогать ей, — сердится, кричитъ: «Отстань... я сама!..» А ласточки снуютъ надъ нашими головами и о чемъ-то щебечутъ...

— Саша, о чемъ онѣ разговариваютъ?

— Бабушку спроси, — отвѣчаетъ сестра. Усаживается около розоваго куста и что-то шепчетъ розѣ; а роза, покачиваясь тихо, ей будто говоритъ: «Да, да, я тебя понимаю, продолжай»... Я подкрадываюсь сзади и слушаю; сестра шепчетъ: «Бабушка мнѣ сказывала, жилъ на свѣтѣ одинъ бѣдный человѣкъ, у него ничего не было... какъ есть ничего: ни коровы, ни лошади, ни курицы... была только землянка хиленькая... И вотъ выросли около его землянки двѣ розы... Откуда онѣ взялись, — онъ самъ не зналъ, — взяли да и выросли... И было у него двое дѣтокъ ма-лень-кихъ... Ты знаешь ихъ?.. — Роза тихо наклонилась. — А, знаешь!.. Ну, вотъ заплачутъ они, когда хлѣбца нѣту; а отецъ и выведетъ ихъ къ цвѣтамъ... — они и любятъся ими и про хлѣбъ на время забудутъ»... Далѣе я не выдержалъ, хлопнулъ въ ладоши прямо надъ ухомъ, — сестра вздрогнула и начала хныкать... Я убѣжалъ къ бабушкѣ... Въ большомъ креслѣ, въ бѣломъ чепцѣ (какъ сейчасъ вижу), сидѣла она и о чемъ-то думала, спицы тихо шевелились въ ея блѣдныхъ

пальцахъ... Она вѣчно, бывало, вяжетъ чулокъ за чулкомъ. Сидить съ гостями, перебираетъ спицами; идетъ въ кладовую, на кухню приглядѣть, распорядиться (она страстно любила хозяйство), тоже съ чулкомъ въ рукахъ... Я по обыкновенію влетѣлъ въ комнату бабушки съ шумомъ; она вздрогнула, но сказала таки ласково :

— А, это ты?

— Я... Скажи мнѣ, бабушка, о чемъ разговариваютъ ласточки?

— Мало ли у нихъ заботы, хлопотъ, голубчикъ, думаю, побольше твоихъ... Гдѣ червяка, мошку словить для себя, для дѣтей... Гдѣ позабавить ихъ... Тоже свое горе, свои радости... Пощебечутъ другъ съ дружкой, какъ ты вотъ съ сестрой, и веселѣй, легче грудкѣ-то станетъ...

И что-то грустное мелькнуло въ голубыхъ ясныхъ глазахъ бабушки... Постоялъ я съ минуту, посмотрѣлъ на бабушку — молчитъ, шмыгнулъ незамѣтно изъ комнаты, раздумывая: «Какъ бы это хорошенько подружиться съ ласточками и узнать отъ нихъ самихъ обо всемъ... Онѣ къ намъ прилетѣли недавно, были гдѣ-то далеко... много видали... Хорошо птицамъ, поднимаются высоко... куда выше нашей колокольни, и все имъ сверху видно, какъ на ладони — и лѣсъ и горы... все... все... и никто тамъ ихъ ужъ не словить»... Вотъ и дворъ нашъ убранъ по-праздничному, разметенъ, кругомъ крыльца усыпано пескомъ... Ни души, одинъ Вол-

чокъ мечется, какъ угорѣлый... мчится взапуски то къ воротамъ, то къ каретнику, то къ конюшнѣ,—добѣжить, кувыркнется и опять пустится... Чему онъ радъ,—тоже не поймешь, а, должно-быть, радъ; весело, даже взвизгиваетъ.

— Волчокъ, Волчокъ, чему ты радъ?

Онъ подлетѣлъ, обнялъ меня косматыми лапами (чуть не повалилъ), лизнулъ прямо въ щеку, взвизгнулъ, метнулся въ сторону и звонко залаялъ... Не понимаю...

Раздался серебряный звонъ колокольчика... ближе... ближе... И къ крыльцу подкатила коляска... Это пріѣхала изъ своей деревни Шевыревки Сашина мать крестная, Варвара Петровна Шевырева.

— Коля, здравствуй... А гдѣ мама, бабушка?..— раздается ея пріятный голосъ изъ коляски.

Я внимательно оглядываю рыжебородаго кучера, давно знакомаго Оедота, лошадей, горничную Аннушку, румяное лицо Варвары Петровны, ея густыя, черныя брови, которыя всегда меня приковывали къ себѣ почему-то особенно долго,—ни съ мѣста... Варвару Петровну высаживаютъ изъ коляски подъ руки, ведутъ. Лакей забираетъ груды коробокъ, коробочекъ, педушекъ, подушечекъ... Онъ подъ этой ношею кажется какъ будто еще старше, сѣдѣе, чѣмъ я его знаю на самомъ дѣлѣ... Сгорбился, осунулся; мнѣ его почему-то очень жаль.

— Ну, что же ты, Коля, стоишь и не здороваешься... Иѡмнищъ, какъ я тебя учила, два шага

назадъ, правой ногой впередъ — и легкій поклонъ... У-у, тюфякъ! Да ты совсѣмъ растолстѣлъ; бабушка, вѣрно, закармила очень... — смѣясь, громко говоритъ Варвара Петровна, входя на крыльцо. — А гдѣ Саша?.. Вотъ вамъ съ ней печенья!.. — И тутъ же, взявши изъ рукъ Аннушки большой свертокъ, передаетъ его мнѣ. Я вцѣпилъ въ полученные гостинцы обѣими руками... А на крыльцо уже выходитъ неспѣшно бабушка въ своемъ бѣломъ, какъ снѣгъ, чепцѣ и съ тѣмъ же чулкомъ въ рукахъ.

— А я къ вамъ, Марья Михайловна, на двое сутокъ... Соскучилась...

— Милости просимъ, милости просимъ! — и раздаются звучные поцѣлуи... Я радъ, что меня оставили въ покоѣ, особенно съ этими несносными поклонами, искусства которыхъ я никакъ не могъ постичь; у сестры книксены удавались и, говорятъ, были милы, а я шагнуть — шагну, а поклонъ все выходитъ неловкій и смѣшнѣе до слезъ добрую Варвару Петровну и всѣхъ нерѣдко присутствовавшихъ при подобныхъ церемоніяхъ. Такъ и не далось мнѣ это искусство... Я прижался на крыльцѣ къ колоннѣ, выжидая, когда могу прыгнуть въ коляску и прокатиться по двору. Какъ только наши ушли въ комнаты, не утерпѣвъ, крикнулъ Оедоту:

— Можно?..

Тотъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и, плутовато подмигнувъ, отвѣтилъ:

— Сколько твоей душѣ угодно.

Но лошади, видимо, скучали продолжительной остановкой у крыльца, пока выбирали изъ коляски разныя вещи, и нетерпѣливо били копытами. Оедотъ велъ съ ними краткій, но внушительный разговоръ, охорашивая густую бороду.

— Шалишь, Крутикъ, шалишь!.. — подергивая вожжей, обращался онъ къ лѣвой пристяжной. — Смирно!.. Вѣдь не по сердцу будетъ, какъ вдоль спины огрѣю... Ну, ты, Шалый, что завозился... Ухъ, народецъ — минуты постоять не могутъ, какъ слѣдуетъ степенно... — ворчалъ онъ пресерьезно на правую пристяжную, не сводя глазъ со всей тройки золотистой масти.

Только Аннушка пискнула: «Все взято, Оедотъ Митричъ?!» — какъ онъ шевельнулъ игриво вожжами, — тройка ринулась, я былъ уже на подножкѣ коляски.

Экипажъ разомъ, мнѣ показалось, пролетѣлъ по двору до каретника. Свертокъ съ гостинцами наполовину выскользнулъ изъ моей руки, — ледянцы, пряники посыпались одинъ за другимъ по двору, оставляя длинную узорчатую дорожку за экипажемъ.

Я это замѣтилъ только тогда, когда спрыгнулъ съ подножки коляски. Волчокъ бѣжалъ съ визгомъ, обнюхивая сладости, но ѣсть ихъ не рѣшался, потому что былъ простой дворнягою, для которой выше и пріятнѣе куска чернаго хлѣба ничего не

было, и собачій вкусъ его изощрялся развѣ только на костяхъ, иногда бросаемыхъ ему сердобольной Анисьей изъ кухни, и тогда онъ чувствовалъ себя вполнѣ по-праздничному.

— Саша, Саша! — неистово кричалъ я, подбирая пряники и конфеты. — Иди скорѣе!..

Показалось во дворѣ голубенькое платьице сестры съ мелкими оборочками, и она, подбѣгая ко мнѣ, преуморительно разводила полными руками.

— Это намъ твоя крестная привезла гостинцевъ... Ну, будетъ тебѣ размахивать руками - то... Подбирай скорѣе и молчи, — говорилъ я, волнуясь.

Все подобрано живо.

— Бери это себѣ!.. — сказалъ я рѣшительно сестрѣ, отдавая ей все подобранное.

Изюмъ въ это время былъ самымъ любимымъ моимъ лакомствомъ. Съ горстью изюма и змѣемъ въ рукахъ я могъ проводить цѣлый день, забывая обо всемъ.

Слава Богу, думалось, никто изъ нашихъ не видѣлъ этой исторіи съ гостинцами... И мы удалились съ сестрой по-добру, по-здорову въ гостиную, выходящую окнами въ палисадникъ. Тутъ никого не было: всѣ сидѣли въ комнатѣ бабушки и о чемъ-то громко разговаривали.

Сестра принялась раскладывать гостинцы на кругломъ столѣ; меня заняло опять щебетанье ласточекъ, сновавшихъ у нашихъ оконъ. Вдругъ одна

изъ этихъ неугомонныхъ птичекъ порхнула въ открытое окно, догоняя мушку... Я весь задрожалъ, не думая долго, бросился къ птичкѣ; она, растерявшись, метнулась отъ окна дальше въ уголъ, — я туда, птичка бросилась въ другой уголъ и прямо подъ кресло; какъ кошка бросается на мышонка, метнулся я подъ кресло и, не чувствуя боли отъ порядочнаго ушиба, схватилъ ее тамъ совсѣмъ растерянную, еле дышавшую...

— Саша, поймалъ! Разглядимъ теперь ее хорошенько... — радостно взывалъ я, прыгая съ ласточкой по комнатѣ, какъ сумасшедшій.

— Дай ее мнѣ въ руки!.. — хныкала сестра.

— На, да смотри, какъ бы она тебя не ущипнула.

— Развѣ у нея есть зубы?..

— Зубовъ у птицъ нѣтъ, — какая ты чудная, — но онѣ могутъ щипать носикомъ, онѣ твердый.

И сестра, боясь, чтобы не ущипнула ласточка, сжала ее за шею такъ крѣпко, что бѣдняжка тутъ же задохнулась... Поднялся плачъ... Ужъ какъ же мы плакали! Это было первое большое горе въ нашей жизни. Въ слезахъ дулъ я на мертвую птичку, перышки ея шевелились; но она лежала неподвижно на моей рукѣ, а печально раскрытый носикъ ея, приподнятый кверху, казалось мнѣ, хотѣлъ пискнуть намъ что-то укоризненное, по былъ уже безсиленъ.

Я весь въ слезахъ побѣждалъ къ нянѣ за водою, чуть не вырвалъ у нея изъ рукъ полный стаканъ и чуть разслышалъ ея ворчанье: «Баловникъ, что еще тамъ прокуратишь!» — какъ былъ уже на крыльцѣ около нашей несчастной ласточки, гдѣ сидѣла въ слезахъ сестра. Весь стаканъ воды я вылилъ на птичку; но ничто не помогало; вся промокшая, она не шевелилась. Въ палисадникѣ раздавалось печальное щебетанье десятка кружившихся около окна ласточекъ.

«Онѣ ее ищутъ, — засѣло въ моей головѣ, — а мы задушили, такъ-таки ни за что ни про что взяли да и задушили. Чѣмъ она намъ помѣшала?» колола неотвязная мысль мою голову.

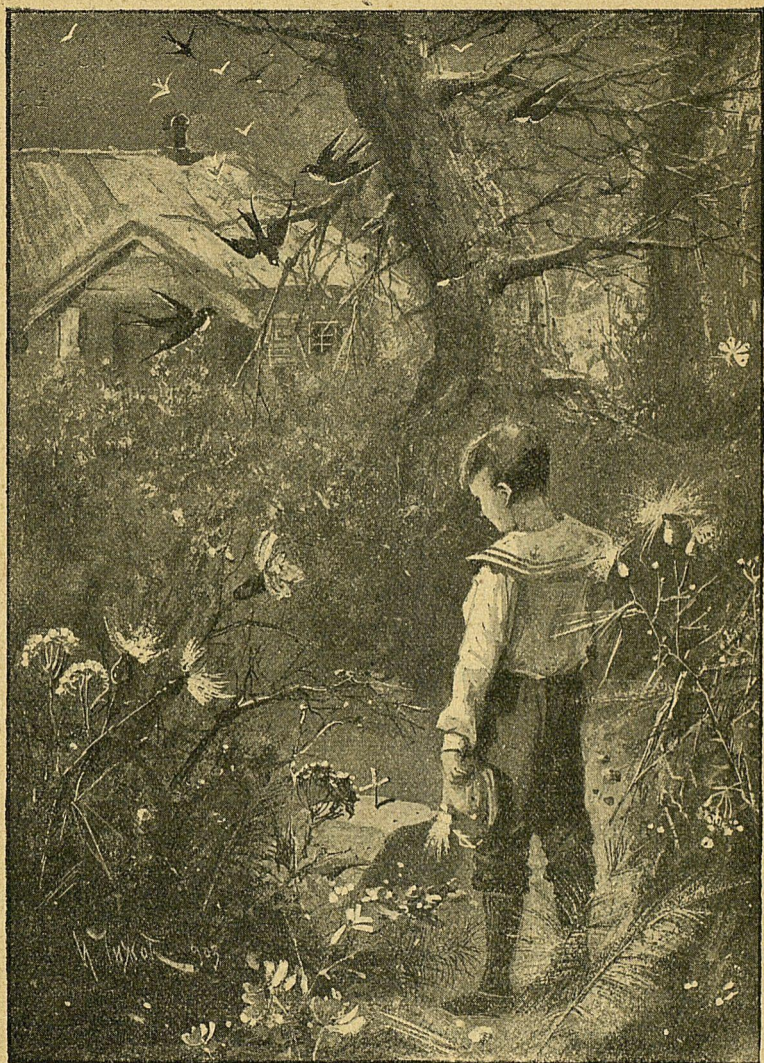
Сердце щемило, въ вискахъ стучало, голова горѣла. Вышелъ отецъ на крыльцо, по обычаю серьезный, но всегда съ нами разговаривавшій съ улыбкой.

— Ну, мои голуби, что у васъ случилось?.. О чемъ это вы льете слезы горючія?..

Я, запинаясь, рассказалъ ему все, въ чемъ дѣло. Онъ сумрачно взглянулъ на ласточку, пошевелилъ ее пальцами и, сказавъ: «Мертвая!..» — продолжительно посмотрѣлъ на меня, добавивъ: «А какъ ей жить, должно-быть, хотѣлось... И дѣти теперь ея горюють!.. Тутъ слезами не поможешь!..» — и молча ушелъ въ кабинетъ.

Лицо мое пылало, я готовъ былъ провалиться сквозь землю... Не помню, долго ли стоялъ я

Ласточки пѣли своей несчастной подругѣ похоронную пѣснь.

такимъ растеряннымъ, безпомощнымъ, какъ, очнувшись, молчаливо дернулъ сестру за рукавъ и повелъ въ палисадникъ. Тамъ я оставилъ ее съ ласточкой у куста сирени, а самъ бросился во дворъ. Отыскавши въ каретникѣ нѣсколько коротенькихъ дощечекъ, опять былъ у сирени.

Тамъ вырыли мы съ сестрой могилку, я обложилъ ее со всѣхъ сторонъ дощечками, оставивъ одну для крышки. Бережно опустили мы птичку въ эту могилку, ласточки кружили надъ нашими головами, и чудилось мнѣ, что онѣ пѣли своей несчастной подругѣ похоронную пѣснь, что-то горькое слышалось въ ихъ щебетаньи. Верхняя доска положена, насыпанъ бугорокъ земли, поставленъ и крестикъ изъ двухъ палочекъ, перевязанныхъ бечевкою отъ стараго змѣя. Это дѣлалось молча. Тутъ только взглянулъ я ввысь; солнце уже скрылось, румянецъ зари прихотливо игралъ за горою, и на сердцѣ сдѣлалось какъ-то легче, хотя слезы еще и дрожали на рѣсницахъ. Сирень трепетала отъ пробѣгавшаго вечерняго вѣтерка, и я жадно сталъ вдыхать ея пріятный запахъ; до этой минуты я его какъ будто и не ощущалъ...

Я былъ одинъ; куда и когда скрылась отъ меня сестра, я не зналъ. Ласточки затихли. Я собрался съ мыслями и, оглядѣвшись кругомъ, замѣтилъ, что отецъ сидитъ у круглаго стола въ палисадникѣ. Онъ, должно-быть, былъ ужъ тутъ давно и зорко наблюдалъ за нами. Лихорадочная дрожь пробѣ-

жала по моему тѣлу, когда я взглянулъ на его лицо, спокойное, какъ и всегда. Онъ, вѣрно, понялъ, что мнѣ очень тяжело, потому что обратился ко мнѣ такъ же ласково, какъ это было у него въ обычаѣ.

— Мы сейчасъ идемъ въ садъ; ты пойдешь съ нами или отправишься къ нянѣкѣ?

— Нѣтъ, папаша, я съ вами.

— Такъ идемъ. — И тутъ же онъ поднялся. Всѣ наши и Варвара Петровна не спѣша двинулись мимо церкви къ Волгѣ, гдѣ былъ у насъ небольшой садъ. Показывалась уже блѣдная луна надъ тихою въ это время рѣкой. Соловей заливался среди яблонь. «Тю-тю-тю - діо-діо - т-р-р-чье-чье - чье!» звенѣло въ воздухѣ. Ему откликался другой, третій по сосѣднимъ садамъ. И Волга широкая, необъятная въ своемъ разливѣ будто вслушивалась, затихая, въ этотъ стозвучный хоръ пѣвцовъ, неумолкаемо заливавшихся въ душистыхъ садахъ ея побережья.

Намъ попадались то и знай, пока мы шли къ берегу, ребятишки съ удочками и рыбою. Голыя ноги всѣ въ грязи, почти измокшія, а лица такъ и сіяютъ довольствомъ! Подошли къ саду, изъ воротъ что-то шмыгнуло и разомъ почти растянулось у моихъ ногъ; я оторопѣлъ и отшатнулся; всѣ бросились ко мнѣ, но въ это время поднялась на ноги дѣвчурка лѣтъ шести, съ длинными растрепанными космами; она крѣпко держала въ зашибленной ручонкѣ краснопераго окуня.

— Что это у тебя? — спросилъ отецъ.

— Рыбка.

— Какая?

— Кто ее знаетъ.

— А гдѣ же взяла?

— Дяденька далъ... рыжій... Архипомъ звать.

— А-а! Что ты съ ней будешь дѣлать?

— Мамкѣ отдамъ... она сварить...

— Гдѣ же твоя мамка?

— Въ своей избѣ, въ крайней, ей, вишь, не-
можетъ, трясучка бьетъ, она изъ избы-то и не
вылазитъ.

— А гдѣ у тебя отецъ?

— Отецъ?... Померъ.

Невозмутимо на всѣ вопросы отвѣчала дѣвочка,
не двигаясь съ мѣста и больше поглядывая на
окуня, чѣмъ на всѣхъ насъ.

— Чѣмъ же вы живете? — спрашивалъ отецъ.

— Ась?

Этотъ вопросъ, видимо, былъ для нея непо-
нятенъ.

— Чѣмъ вы кормитесь? — повторилъ отецъ.

— Побираемся Христовымъ именемъ... али сосѣди
дадутъ... Допрежь своя скотина была, мамка ра-
ботала.

— Ты одна у мамки-то?

— Нѣтъ, Вахурка есть, Петрунька поменьше,
это — парни; я да Манька — дѣвки.

— Кто же у васъ старшій?

— По годамъ-то я, — восьмой пошелъ, а знамо, парни сильнѣй.

Ей что-то дали, и она привычно отвѣтила: «Спаси васъ Богъ», и скрылась.

Эта полуоборванная дѣвочка, очень маленькая ростомъ, по лицу казалась взрослой.

Вотъ мы и въ саду, гдѣ все цвѣло и зеленѣло. Соловей то замиралъ, то пѣснь его росла, крѣпла, звенѣла, и что-то сладкое вливалось въ сердце. Всѣ молчали; слышенъ былъ шелестъ каждаго листка. Пчелы затихли; когда мы проходили мимо ульевъ, то на ихъ полянкѣ была мертвая тишина; только Волга чуть-чуть поплескивала о берегъ, какъ бы желая заглянуть въ нашъ садъ, что тамъ творится въ затишьѣ. Всѣ усѣлись на берегъ. Вскорѣ подъѣхала лодка; сухощавый старикъ съ руля подаль голосъ.

— Добраго вечера господамъ честнымъ. Не будетъ ли желанье у вашей милости прокатиться?

— Тихо? — спросилъ отецъ.

— Благодать! Тише, чѣмъ на твердой землѣ!..

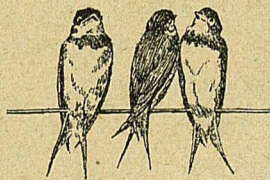
И вотъ мы ѣдемъ, бѣгутъ берега. Отецъ на рулѣ, а старикъ съ сыномъ дружно машутъ веслами. Лодка скользитъ, оставляя легкій слѣдъ на голубой ясной поверхности. Падучія звѣздочки нѣтъ-нѣтъ и промелькнутъ на горизонтѣ. Луна выплыла полнѣе и свѣтлѣе, отливая золотомъ по водѣ. А лодка скользитъ дальше и дальше. Взглянешь на берегъ, онъ бѣжитъ и бѣжитъ.

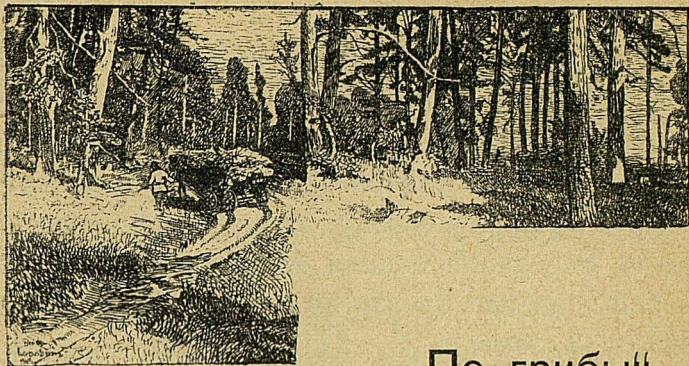
Длинные тѣни ползутъ отъ грустныхъ вязовъ и печальныхъ березъ, дремлющихъ по берегу въ ночной тишинѣ. А соловьи неумолкаемо спорять въ треляхъ одинъ предъ другимъ. Закроешь глаза, — кажется, что и внутри у тебя что-то поетъ такъ сладко и весело.

Боже, какъ хороши эти ночи на волшебной Волгѣ и какъ тогда все хорошо на свѣтѣ! Забыты всѣ печали! Весь очарованный этой ночью, я долго, вернувшись, не могъ заснуть.

Мнѣ грезилась печальная исторія несчастной ласточки.

„По грибы“.

Крупинками рассыпалась и вьется между густыхъ молодыхъ сосенокъ узкая песчаная тропинка. По тропинкѣ за старымъ-старымъ человѣкомъ, изъ дворовыхъ прежняго времени, идетъ въ припрыжку бойкая, живая дѣвочка съ раскраснѣвшимъ лицомъ отъ лѣтней жары и скорого движенія. Дѣвочка рада, что вырвалась изъ старыхъ *хоромъ* съ дѣдомъ Михайлычемъ въ лѣсъ, на свободу, — ея тонкіе волнистые волосики небрежно разметались на непокрытой головѣ; глазки бѣгаютъ и туда и сюда: все-то хотятъ увидѣть, замѣтить, узнать; желтенькое съ оборочками платьице барышни прыгаетъ отъ частыхъ, мелкихъ шажковъ и тихо шуршитъ. Узка, очень узка тропинка, еле-еле умѣщаются на ней дѣдъ Михайлычъ — сѣдой, какъ лунь, и его маленькая желтенькая, какъ канареечка, барышня. Она то крѣпко-накрѣпко держится за руку старика, то бѣжитъ и

скачать, чуть-чуть поспѣвая за размашистымъ, широкимъ и еще твердымъ шагомъ дѣда. Около нихъ вертится общій любимецъ Налетка: то впередъ отбѣжить, то отстанетъ и, приложивъ косматую голову къ придорожному камню, скокъ-прыгъ,— виснетъ передними лапами на оборкахъ молоденькой барышни или бросается на грудь дѣда, весело визжитъ и лаетъ... У дѣда за спиной берестовый кошель, у барышни на рукѣ берестовая кошевка; они идутъ *по грибы* въ лѣсъ, гдѣ много пахучей сосны и немного осиннику.

— Давай пѣть, дѣдушка,—звенить серебристый голосокъ дѣвочки.

— Давай, родная! Что же мы пѣть-то станемъ?—говорить, ласково улыбаясь, дѣдъ.

«Въ темномъ лѣсѣ,
Въ темномъ лѣсѣ,
Въ темномъ лѣсѣ!»

Вмѣсто всякаго отвѣта заводитъ тоненькимъ голоскомъ дѣвочка, и дѣдъ подхватываетъ старческой разбитой хрипотой:

«За лѣсью!
За лѣсью!
Распашу ль я,
Распашу ль я...»

— Ахъ, дѣдушка, какъ намъ хорошо тутъ!..—захлебываясь на минуту, останавливаетъ его барышня, и свѣтлыя слезинки, какъ алмазики, навер-

тываются на ея милыхъ, хорошихъ глазкахъ, а дѣдъ, не въ силахъ уже сдержаться, гремитъ :

«Пашеньку!
Пашеньку!»

И барышня подтягиваетъ звенящимъ дѣтскимъ голоскомъ :

«Посѣю ль я,
Посѣю ль я,
Посѣю ль я
Ленъ-конопель,
Ленъ-конопель!»

Дѣдъ, закашлявшись, забѣгаетъ скорымъ речитативомъ :

«Уродися,
Уродися
Ленъ-конопель,
Ленъ-конопель!»

Голосокъ дѣвочки, послѣ малаго вздоха, опять разсыпается :

«Дологъ, волокнисть!
Дологъ, волокнисть!»

«Фррръ!» съ глухимъ шумомъ взвывается что-то спугнутое Налеткой въ сторонѣ изъ ближняго болота.

— Налетка! Налетка, назадъ! — кричитъ дѣдъ. — Ишь, шельма, тетерку спугнуль.

Дѣвочка стремглавъ бросается къ кустамъ, туда, откуда пронесся шумъ.

— Ничего нѣту, дѣда! — кричитъ она изъ кустовъ.

— Ну, да, — смѣется старый, — ишь, не стала тетерка тебя дожидаться, поди, вотъ улетѣла, не спросившись у барышни!..

— Ахъ, дѣда, какой ты, право! Я вѣдь думала — она на гнѣздѣ, — выходя на тропинку, говоритъ дѣвочка, надувши пухлыя губки.

— Да что ты, Христось съ тобой! — урезони-ваетъ ее старикъ. — Развѣ время теперича тетеркѣ на яйцахъ сидѣть? За боровиками идемъ, чай, лѣто ужъ почитай и прошло... а ты — на гнѣздѣ... Ахъ, грѣхи! Ха-ха-ха-ха!.. Да идемъ, идемъ скорѣе, не то грибовъ принесемъ что ни на есть самую малость, старуха моя станетъ смѣяться: посулили-де грибовъ на пирогъ, а принесли — и во щи-то положить нечего.

Дѣвочка прицѣпилась къ дѣдушкиной полѣ, и идутъ они скорымъ шагомъ все дальше и дальше, въ глубь лѣса. Солнце играетъ между соснами, размалевывая причудливыми узорами тропинку и золотя по ея краямъ верхушки густого вереска и темно-лиловые ковры богородицыной травы. Съ болота тянетъ богульникомъ, между верескомъ краснѣется кое-гдѣ уже молодая брусника и толокнянка. Кое-гдѣ по холмамъ разбросаны, тоже поросшіе деревьями, невысокіе круглые курганы. Чтобъ попасть въ лѣсъ дѣду съ барышней, нужно было перебраться въ него чрезъ рѣку по коли-

щамъ: моста нѣтъ, а во всю ширину рѣчки въ илистое дно ея вбиты два ряда толстыхъ кольевъ, густо переплетенныхъ еловыми вѣтвями. Поверхъ переплета положены длинныя сосновыя жерди: мостъ не мостъ, а на то похоже, такъ что перебраться этимъ путемъ можно.

Зорко всматриваясь во все окружающее, дѣвочка допрашиваетъ:

— Дѣдушка, а дѣдушка, на что тутъ рѣчку запрудили?

— Не запрудили ея, внученька моя названная, видишь, подъ переплетомъ вода какъ надо быть течетъ; а на то колищевъ набили, чтобы норота ставить можно было. Сплетутъ рыбаки нороть, будто корзинку такую изъ прутьевъ, обтянутъ ее сѣтиной и привяжутъ къ колу подъ водой насупротивъ того, какъ въ озеро течетъ рѣчка. Ну, рыбушка идетъ въ рѣчное устье, которая за тѣмъ, чтобы пропитаніе себѣ найти, которая за тѣмъ, чтобы икру метать... Забѣжитъ она сдуру въ нороть,—ну, оттуда ей выходу и нѣту, придѣлана къ нороту крышка съ воронкой; туда-то войти рыбкѣ вольготно, а назадъ—шалишь, прутьшко-то и не пускаетъ. Вотъ и наловятъ такъ-то крещеные рыбаки рыбыцы,—и сами ей питаются и на сторону продаютъ, кому это пожелается, значить, рыбки покушать...

Недалеко отъ колищевъ лежитъ старое дуплистое дерево, сваленное бурей и павшее наполовину на берегъ, наполовину въ воду.

— Дѣда, ой, дѣда! Крыса изъ воды вылѣзла, ей Богу, крыса!—удивленно толкуеть дѣвочка.

— А ты не божись: не ладно съ этакихъ-то лѣтъ, вотъ что! Не крыса, это—норка; гнѣздо у ней, надо быть, туточка въ дуплѣ, въ корягѣ... Звѣрекъ это такой тоже, и въ водѣ и на землѣ жить можетъ, рыбкой питается...

— Дѣдушка, кто эту дорогу наѣздилъ? — спрашиваетъ дѣвочка.

— А Богъ его знаетъ! Такая она испоконъ вѣка: тропкой на одномъ болотѣ начинается, тропкой же кончается на другомъ. Ъздаютъ сюда только зимой, за дровами. На болотѣ солнце, — ну, живо тамъ все папоротникомъ да черникой зарастетъ; а туточка, ишь, тѣнь, — ну, ничего и не растетъ, гдѣ раскатано.

По окраинамъ лѣса, на болотѣ, цѣлыми семьями сидятъ всѣхъ возрастовъ моховики — отъ крошечныхъ, желто-зеленоватыхъ, молоденькихъ до широкихъ, обвислыхъ, свѣтло-желтыхъ, источенныхъ червями стариювъ, еле держащихся на своихъ тоненькихъ ножкахъ.

— Дѣдушка, брать моховики? — наклоняясь, спрашиваетъ довольная своей находкой дѣвочка.

— Нѣтъ, не бери. И хорошъ грибъ, да когда ужъ найдемъ *бѣлыхъ*, станемъ и моховики брать.

— Ну, значить, и *масляниковъ* не ломать? — продолжаетъ выпрашивать маленькая плутовка.

— Это козьяковъ-то? Нѣтъ, не надо.

И дѣвсчка ногой сбиваетъ кучу масляниковъ.

— На что же?!—укоризненно останавливаетъ ее старикъ.—Мы не возьмемъ, другой возьметъ. Иной-то разъ Филипповками али въ Великій постъ и мы бы съ тобой козьячку-то рады были; это теперь-то только больше все *боровикомъ* лакомиться норовишь. Вотъ ты даръ-то Божій ногой сбила, а знаешь, что пословица-то сказывается: «Что лѣтомъ пинкомъ, то зимой съ блинкомъ».

Но дѣвочка не слушаетъ его; на открытомъ мѣстечкѣ, подъ сосенкой, ея зоркіе глазки замѣтили уже два бѣлыхъ гриба: такіе пузатенькіе, молоденькіе, точно они сейчасъ только изъ земли выползли.

— Дѣдушка, дѣдушка, грибъ! Грибъ-боровикъ, всѣмъ грибамъ...

И дѣвочка бросается со всѣхъ ногъ на свою находку.

— Дѣдушка, что ты тамъ подъ березками, у болота роешься?—слышится ея тоненькій голосокъ.

— «Назвался груздемъ,—полѣзай въ кузовъ»,—смѣется старикъ и откапываетъ изъ-подъ слоя сырого палаго листа цѣлую семью груздей.—Первые *грузди*, внучка моя названная,—съ довольнымъ видомъ замѣчаетъ онъ.—Эге, что же это ты грибы-то теряешь, чего не глядишь? Ишь, какой боровикъ выронила.

— Я не выронила, а бросила; въ немъ, дѣда, черви.

— Какихъ еще тамъ червей нашла?—и, поднимая грибокъ, разламываетъ его.—Только и есть, что одна, аль двѣ червоточинки въ корешкѣ, а шляпка, что твоя рѣпа, бѣлая. Да и что это за черви: не то черви, что мы ѣдимъ, а то черви, что насъ будутъ ѣсть,—вотъ что!

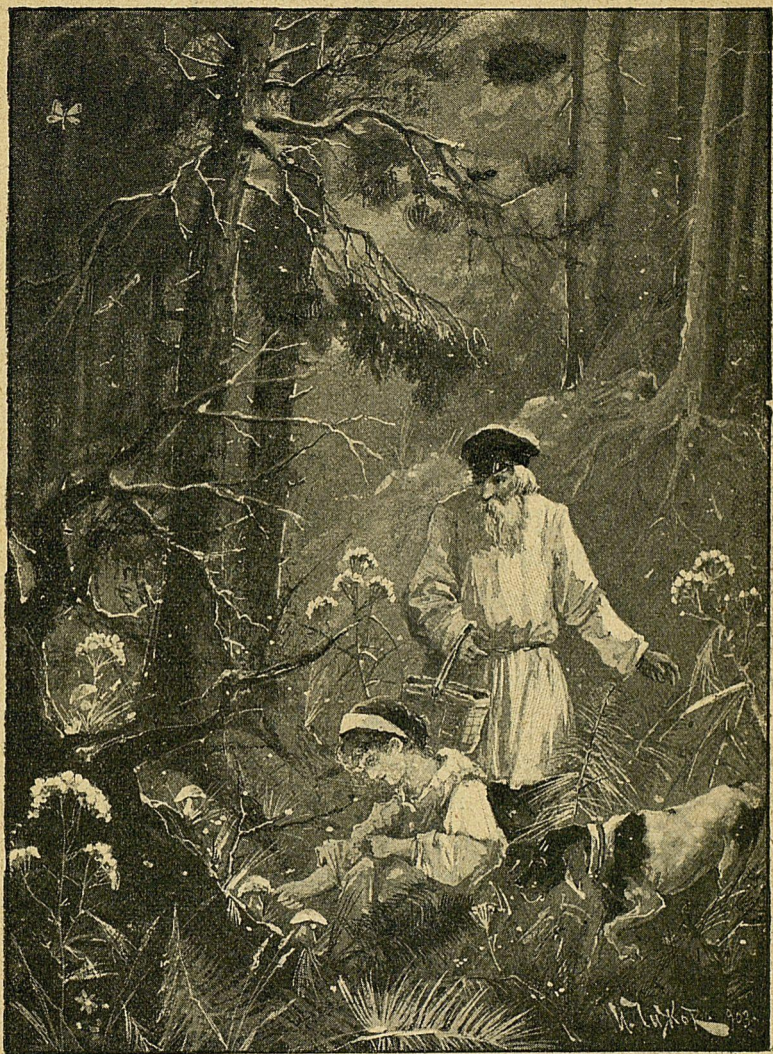
— Дѣдушка, это какіе? Ишь, какъ пенъ обѣли, точно пчелы, когда роятся.

— Эй, да это *опенки*! Знатный грибокъ, особливо въ пирогъ,—бери ихъ, бери; намъ за нихъ Вахромѣвна эво ли какое спасибо скажетъ. И чудное это дѣло: такой грибокъ хорошій, а мало его кто по нашимъ мѣстамъ потребляетъ. Я-то и самъ прежде не ѣлъ, да вотъ въ разѣздахъ съ папенькой твоимъ, не токмо что чему другому, а и опенки ѣсть научился и старуху свою научилъ; спервоначалу долго не хотѣла,—наберешь, бывало, ей опенокъ, а она и разсердится: ишь, говорить, доброто принеся, поганокъ. Вотъ тоже иные ни раковъ не ѣдятъ ни зайцевъ по нашимъ мѣстамъ,—отъ стариковъ такъ-то идетъ, али вкусъ, значить, не распознали...

— А это какой грибокъ, дѣдушка?—то и знай спрашиваетъ дѣвочка.

— Это? А это *свинушка*, съ голодухи ѣсть,—намъ, слава Те, Создателю, пока не надо, не бери ея. Вотъ *сыротъжки*, коли молоденькія попадутся—ломай: страсть ихъ моя старуха съ сметаной любить.

И дѣвочка бросается со всѣхъ ногъ на свою находку.

Грибъ за грибомъ наполняютъ и кузовъ и кошевку. Какъ только корзинка дѣвочки наполнится грибами, она высыпаетъ ихъ въ дѣдушкинъ кошель. Они молчаливо ищутъ грибовъ то вдоль дороги, то заходятъ дальше въ чащу. Ничто не развлекаетъ ихъ, развѣ Налетка затыкаетъ вдали, спугнувъ зайца или, подбѣжавъ къ дѣду или дѣвочкѣ, приласкается, нанюхаетъ бѣлку и скачетъ за ней вокругъ дерева и злится и грызетъ кору въ отчаяніи, что не достать ей пушистаго звѣрка, то пропадающаго въ зеленыхъ вѣтвяхъ сосенки, то снова показывающагося на какомъ-нибудь голомъ суку, весело посматривая бойкими глазками. Вдругъ изъ глубины лѣса раздается какой-то протяжный и глухой не то крикъ, не то стонъ.

— Дѣдушка, что это тамъ такъ страшно кричить: у-гу, у-гу? Ишь, какъ угукаетъ!—робко спрашиваетъ дѣвочка.

— Ну, чего испугалась, вѣдь это—птица. А знаешь ли, что она кричитъ? Послушай-ка!

— Да я только и слышу, что: «у-гу, у-гу!..» Какъ ее зовутъ?

— Зовутъ ее: Никита-Соколъ. Да ты прислушайся, что она кричитъ-то; вѣдь словно человѣческимъ голосомъ говоритъ: «Никита-Соколъ, подай топоръ, давай лѣсъ рубить».

И дѣвочка слушаетъ, и ей тоже въ крикѣ птицы начинается чудиться какъ будто слова: «Никита-Соколъ, подай топоръ!..»

— Дѣдушка, никакъ кто-то дерево рубить?—
вдругъ встрепенувшись, снова спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, нѣтъ, родная: это дятель сухую сосну долбить, а то и не сосну, а просто шишку сосновую. Гляди-кося, вотъ и туточка эво ли что шишекъ сосновыхъ подъ деревомъ навалено, а въ самомъ-то деревѣ трещинка, и въ трещинкѣ тоже шишка вбита. Это дятель примѣтку кладетъ, говорятъ люди, что нѣту ему въ томъ деревѣ больше добычи. Только, я думаю, все это враки, а забываетъ онъ шишку въ щель, чтобъ сподручнѣе ему было сѣмечки долбить въ ней: повытаскиваетъ онъ ихъ всѣ—и шишку вытащить и наземъ бросить, а въ трещину новую засунетъ. Ну, коли спугнуть его, онъ и улетитъ, а шишка въ щели и останется. И впрямь такъ оно, должно-быть, и есть; вонъ на землѣ шишки всѣ безъ сѣмянъ, а въ той, что въ деревнѣ осталась, зернышки наполовину цѣлы.

И опять принимаются дѣдъ съ дѣвочкой искать грибовъ и идутъ все дальше и дальше. Въ кузовья дѣда и его маленькой спутницы лѣзутъ теперь *подосиновики*, *подберезовики* и *рыжики*. Дѣвочка съ пренебреженіемъ обходитъ плоскіе, зеленоватые по краямъ *рыжики*, *подъельники* и беретъ только ярко-красные крѣпыши боровые; но дѣдушка замѣчаетъ, что въ солкѣ *подъельникъ* куда вкуснѣе, хотя впрокъ, на долгое время, *боровикъ* лучше. Вотъ цѣлая семья *мухоморовъ*.

— Гляди, дѣда, какіе красавцы! Зеленые, красные, сизые...—говоритъ вострушка, но она знаетъ, что ихъ брать нельзя, и только издали любитъся ими.—Дѣдушка, на кого это Налетка такъ злится по дорогѣ?

— Эге, — говоритъ дѣдъ, — змѣю встрѣтилъ... Налетка, назадъ! Назадъ! Вѣдь ужалить гадкая, какъ пить дать. Налетка, назадъ! Ахъ, шельма! Ишь, озлился, голосу человѣчьяго не слушается... Ну, на што тебѣ?

И дѣдушка съ дѣвочкой спѣшать на помощь къ Налеткѣ. Солнце уже на закатѣ и золотитъ дорогу только косыми лучами, и въ нихъ, на пескѣ, видна поднявшаяся на хвостъ, почти во всю свою длину, сѣрая змѣя, злобно шипящая и нацѣлившаяся на Налетку, которая, вся оцетинившись отъ ярости, не знаетъ, какъ схватить своего ядовитаго врага.

— Скорѣй, дѣдушка, бей ее! Она Налетку ужалить!—отчаянно кричитъ дѣвочка.

Но дѣдушка не поспѣваетъ; змѣя съ минуту виситъ на губѣ у Налетки, которая отчаянно трясетъ головой, чтобы сбросить ее, потомъ змѣя съ шипомъ и свистомъ исчезаетъ въ кустахъ.

— Ну, попался, Налетушка,—говоритъ, качая головой, старикъ, обращаясь къ собакѣ, поджавшей хвостъ и съ жалобнымъ визгомъ вертящейся у его ногъ.—Будешь теперь знать, какъ на гада безъ толку наскакивать, проучила, ехидная!

И дѣдушка садится у дорожки, придерживаетъ Налетку между колѣнями, чтобы та не вырвалась, и отыскиваетъ на ея верхней губѣ змѣиный укусъ. А дѣвочка вся дрожитъ и плачетъ, ей жалко Налетку.

— Что жъ, она теперь умереть? — спрашиваетъ сердечный ребенокъ.

— Эхъ ты, простота! Онъ, песъ, собака; на немъ все присохнетъ, — пройдетъ... Дай, вотъ выдавимъ ядъ-то да землицей потремъ... Она, мать сыра земля, все исцѣляетъ, — и пчелиный и осиный уколъ. Ну, счастье твое, Налетушка, что не на мѣдяницу напала: кабы та жиганула, не жить бы тебѣ на свѣтѣ. Ну, а теперичка побѣгаешь недѣлку, другую съ толстой мордой, а тамъ здоровѣй прежняго станешь, да и умнѣй будешь, — пословицу знаешь: «наберется волкъ толку, какъ набьютъ ему холку», такъ-то и ты: не будешь теперича безъ-толку на змѣю бросаться.

И Налетка точно понимаетъ дѣдкины слова: и хвостомъ виляетъ и тихонько визжитъ; но отъ дѣда не рвется и только, когда тотъ опускаетъ его, мохнатка сначала стряхивается, будто изъ воды вылѣзла, а потомъ начинаетъ чему-то радоваться и довольно и весело скакать то на дѣда, то на дѣвочку.

— Ну, ладно, ужъ ладно, — смѣется старый. — Рада, дурашка, рада, а чему радоваться-то? Да ну, пошла же, — ну, тебя совсѣмъ. Одначе, дитятко, и

домой пора; вотъ только вздохнемъ маленечко да закусимъ, — и пойдемъ; позднеенько становится; солнце на закатѣ.

И выбираютъ дѣдъ съ барышней изъ лѣсу къ озеру; кругомъ ихъ разстилаются зеленые луга, а тамъ серебрится озеро; а за нимъ опять песчаные холмы, — холмы, которымъ не видно и конца, поросшіе сосной, а гдѣ выглядываетъ мелкими кудерьками и тонкая скорбящая березка... По озеру плаваютъ и ныряютъ гагары, кряквы и нырки...

— Ишь, ихъ пропасть какая! — говоритъ дѣдъ. — Вотъ бы ружье, знатно набилъ бы дичинки...

На сыромъ лугу дѣдъ выбираетъ сухое мѣстечко, чтобы не очень оно было близко къ лѣсу.

— Самое это любимое мѣсто у змѣй, — замѣчаетъ дѣдушка и выбираетъ сухія, высокія кочки, на которыхъ они и усаживаются съ барышней. На нихъ и сухо и мягко, словно въ хорошемъ креслѣ.

— Дѣдушка, я пить хочу, — слышится утомленный голосокъ дѣвочки.

— погоди, родная, закусимъ хлѣбушка, отдохнемъ, а потомъ и попьемъ... Я тутъ ручеекъ чистый да студеный неподалеку знаю.

Дѣдъ достаетъ изъ-за пазухи краюху хлѣба, круто посыпанную солью и завернутую въ чистую тряпку, раскрываетъ старый, наполовину источившійся складной ножъ и отрѣзываетъ по ломтю хлѣба и себѣ и своей маленькой спутницѣ. Затѣмъ онъ набожно, медленно крестится, за нимъ такъ

же крестится и дѣвочка, и они принимаются за повечерье. Какъ вкусенъ черный хлѣбъ на свѣжемъ воздухѣ, когда часа четыре человѣкъ проходить или пробѣгаетъ безъ отдыха, особенно когда на его плечахъ всего какихъ-нибудь восемь-девять лѣтъ отроду...

— Ну, вотъ, Налетушка, и тебѣ кусочекъ,—говорить дѣдъ, проглотивши послѣднія крохи съ ладони Божьяго дара и вторично набожно перекрестясь...

А Налетка давно ужъ сидѣла вблизи въ ожидательной позѣ, то поднимая, то опуская уши и не сводя глазъ съ дѣда; она время отъ времени даже тихонько прищелкивала зубами, когда дѣдъ наклонялся къ своему ломтю, который держалъ въ ладони, и, захвативши часть хлѣба, медленно жевалъ по кусочку. Собака отвлекалась отъ этого, занимавшаго и ее, въ ожиданіи подачи, питанья, только своей надоѣдливою опухолью морды, — тогда она осторожно почесывала то той, то другой передней лапой верхнюю губу, становившуюся все толще и толще.

— На вотъ тебѣ,—сказалъ вставая дѣдъ и отломилъ кусокъ хлѣба и Налеткѣ, которая, осторожно уцѣпивши его въ переднія лапы и приложивши голову на бокъ, принялась скорѣе сосать, чѣмъ грызть эту вкусную для нея подачку...

— Ну, теперечко и къ ручью,—обратился дѣдъ къ дѣвочкѣ, укладывая тряпицу въ кошель.

И вотъ они огибають кусты и добираются до источника, спрятавшагося подъ корни старой, дуплистой березы, окруженной густою порослью молодыхъ еще березокъ. Дѣдъ опять раскрываетъ свой ножъ и съ помощью его отдираетъ кусокъ бересты, складываетъ его ковшикомъ и, прорѣзавъ въ немъ дырочку, скрѣпляетъ его березовымъ прутикомъ, чтобы онъ не развернулся.

— Ну, вотъ тебѣ и ковшикъ; пей теперь на здоровье.

И пьетъ дѣвочка, пьетъ усиленно, порывисто; никакъ не можетъ она приподнять голову отъ этого берестоваго ковша, — такъ вкусно ей это студеное питье; у нея даже лицо начинаетъ ныть отъ холода, а она все пьетъ и пьетъ, не отрываясь отъ ковша.

— Постой, не застудись; еще захвораешь, гляди, и скажутъ дома-то, не усмотрѣлъ старый за барышней; въ другой разъ и не пустятъ тебя со мной въ лѣсъ.

И дѣвочка тотчасъ послушно отдаетъ ковшикъ, и дѣдушка пьетъ въ свою очередь.

— Ну, теперь домой, — говоритъ онъ.

И возвращаются они назадъ уже прямо по дорогѣ, не заглядывая ни въ лѣсъ ни на болото. Дѣвочка устала, еле передвигаетъ ноги. Даже Налетка умаялась и идетъ смирененько, какъ разъ за дѣдушкой, по временамъ толкаясь носомъ въ его ноги и выбирая попеременно ту, которой дѣдушка въ эту минуту шагаетъ.

— Дѣдушка, что ты задумался? — вдругъ спрашиваетъ дѣвочка.

— Такъ, родная.

— Нѣтъ, дѣдушка, ты скажи, о чемъ, — пристаётъ она.

— Объ чемъ задумался - то? Да мало ли что старому человѣку на умъ взбредеть — вспоминается; вѣкъ - то долгій изжить — не поле перейти.

— А ты мнѣ скажи хоть что-нибудь?

Но дѣдушка молчитъ, долго, упорно молчитъ; онъ борется съ воспоминаніями стараго, давняго и все больше и больше задумывается. И дѣвочка притихаетъ, ей дѣлается что-то грустно и хочется плакать, особенно, когда она начинаетъ представлять, что до дому еще больше полверсты.

— Отдохнемъ, дѣдушка, минуточку.

— Чего отдыхать? Гляди, вонъ скоро уже и совсѣмъ солнышко за лѣсъ сядетъ; торопиться домой надо, а не отдыхать. Ну - кося: разъ - два, разъ - два! — маршируетъ смѣясь старикъ.

И дѣвочка старается попасть съ нимъ въ ногу, начиная тоже смѣяться, и ей какъ будто не такъ трудно идти. Но дѣдушка снова почему-то задумывается и вздыхаетъ.

— Дѣдушка, что это такъ скучно съ тобой сегодня? И все ты вздыхаешь да задумываешься, а я еле удерживаю слезы.

— Эхъ-ма, — говоритъ дѣдъ и улыбается, — не со мной тебѣ скучно, а устала ты, вотъ что... Ну, ну,

не плачь, не плачь... Хочешь, расскажу про старину?..

— Расскажи, дѣдушка, голубчикъ, я плакать не стану, — начинаетъ она тормозить дѣда.

И дѣдъ принимается рассказывать ей про старинное житье-бытье, про старинныхъ людей, про старинныя дѣла; и она слушаетъ его, слова не проронить, и усталость забыта, и не чувствуется ей, что далеко идти. Пришли ужъ они и въ село, а барышня нейдетъ домой, усѣлась она рядомъ со старикомъ на мягкой завалинкѣ, около его избы, и все слушаетъ безконечно-длинные, но интересные его рассказы, поглядывая то на сѣдого дѣда, то на ясное ночное небо, гдѣ одна за другой, загораясь искрами, мигаютъ яркія звѣздочки...

— Любушка! Любушка! гдѣ ты? Ужинать пора, — раздается за кустами голосъ гувернантки Натальи Сергѣевны, знавшей, что искать ее нужно у дѣдки Михайлыча, если ужъ она надолго пропала изъ дому.

— Я здѣсь! — откликается дѣвочка.

— Иди же скорѣе, я ужъ цѣлый часъ тебя ожидаю.

— Прощай, дѣ-ѣ-ѣ-дынька, — говоритъ барышня, обнимая морщинистую шею и звонко цѣлуя загорѣлыя и обвѣтренныя щеки своего любимца-старика.

— Прощай, христовая моя... Ангелъ-хранитель надъ тобой, — отвѣчаетъ дѣдъ.

И дѣвочка ныряетъ въ кусты, отдѣляющіе избу дѣда отъ господскаго сада, и чрезъ минуту скачетъ рядомъ съ степенно выступающей Натальей Сергѣевной. А дѣдъ, позѣвывая сладко, не спѣша поднимается съ завалины и идетъ къ себѣ на покой.

Пришла Люба домой, отказалась отъ ужина.

— Что ты, покушай. Али закармлишь, старый?!.

— Нѣтъ! не хочу!

И скорѣе пошла въ свою комнату, усѣлась тамъ въ покойное креслице, задумалась, крѣпко задумалась обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ... Хотѣла было отогнать безпокойныя мысли, взяла книжку; но бѣгаютъ, рябятъ строки въ глазахъ, выплываютъ и безпорядочно проходятъ въ головѣ мѣста и лица изъ разсказа старика, — упала книжка къ ногамъ. Не слышитъ Люба, какъ играетъ съ клубкомъ ея шаловливая кошка: то присядетъ она, то прыгаетъ около шевелящагося, будто живого, клубка, шуршитъ, тускло мигаетъ лампа; сидитъ Люба тихо, какъ будто приросла она къ креслу.

Сонъ Оли.

Наигралась за день суетливая Оля, забралась на диванъ въ гостиной и дремлетъ. — Иди, голубка, на мѣсто, въ кроватку, — говоритъ ей ласково старушка-няня.

— погоди, няня... дай посидѣть! тутъ хорошо... Я люблю этотъ диванъ... Здѣсь мама часто сидитъ, — шьетъ, вяжетъ.

— Иди, пора! Я сказку хорошую скажу...

Дѣвочка нехотя спустилась съ дивана; няня повела ее въ дѣтскую. Живо раздѣлась Оля — и въ кроваткѣ.

— Говори, няня... Какую будешь сказывать сказку?

— Какую хочешь, голубка... Про ласточку - касаточку, про мышку - норушку, про Марью - царевну...

— Нѣтъ, няня, это я слышала; Расскажи другое...

— Что же другое? Ума не приложу.

Она припоминаетъ разныя сказки, какія когда-то слышала.

Оля весело засмѣялась, глядя на озабоченное лицо няни, ея звонкій голосокъ спугнулъ старушечью задумчивость. Милая Аринушка вздрогнула, отозвалась ласково: «ась?!» — и добродушно улыбнулась...

— Задремала, няня?! Ты вотъ что Расскажи: какъ жила ты въ деревнѣ, когда была маленькой. Что дѣлають тамъ дѣти, какъ играютъ? Вѣдь и я родилась въ селѣ... Меня оттуда увезли, помнишь, маленькую... каплюшечную, мама говоритъ...

— Какъ не помнить, сударка, — вѣдь я тебя вынянчила... Съ перваго денька, какъ ты проглянула на свѣтъ Божій, столько у кормилки на рукахъ не бывала, сколько у няни Арины започивала... О-о-охъ-охъ-охъ!.. Старое-то старится, — молодое растеть... А и что тебѣ, свѣтикъ мой, да-лось это село, на что оно... Рази это сказка?! Что тебѣ за указъ деревенскіе ребята, — какого у нихъ добра наимаешься?!

— Нѣтъ, Расскажи, няня!

Оля пристаётъ къ нянѣ, трясетъ ее за миткалевый рукавъ; глядитъ на нее серьезно, какъ большая.

— Пусть будетъ по-твоему: Расскажу, пожалуй, если ужъ пожелалось... А ты лежи, слушай и дреми.

И няня повела свой длинный рассказъ.

«Далекó-далекó, межъ частыхъ лѣсовъ, межъ кру-
тыхъ горъ, пробѣгаетъ-протекаетъ рѣчка—не рѣчка,
и ключомъ назвать нельзя, — такъ она мала,
что большой человѣкъ перешагнетъ чрезъ нее и
ногъ не замочить; прозывается та рѣчка Сокуркой.
На этой самой рѣчкѣ, на Сокуркѣ, разметалось
село большое-пребольшое. Тамъ и сямъ пестрѣютъ
избы изъ чернолѣся, — которая поновѣе изба —
веселѣе глядитъ махонькими оконцами, а которая
постарше, потемнѣла али совсѣмъ покачнулась въ
сторону—жалостно выглядываетъ изъ-подъ старой
соломенной крыши... Все то же, то же, что и вездѣ
по селамъ, то али другое жилье больше врозь
стоятъ, задомъ, бокомъ другъ къ дружкѣ: какъ
будто осерчали, и нелюбо имъ сосѣдство. Лѣску - то
немного у крестьянства,—ну, и берегутъ его, какъ
свой глазъ, больше кизикомъ топятъ (это, зна-
ешь, навозъ въ кирпичъ сбиваютъ да сушатъ его);
такъ вотъ замѣсто дровъ имъ и топятъ; народъ
тамъ не балованный, ко всему привыкъ. Въ этомъ
селѣ я знала много ребятъ, жилось имъ со вся-
чинкой, когда жутко, а когда и весело... Собе-
рутся, бывало, они гурьбой на широкую улицу, —
потѣшаютъ себя, кто во что гораздъ: какой ни на
есть дудкой, кнутомъ, рѣзвой бѣготней... А то
зальются въ дальній лѣсъ по ягоды, по грибы, али
бѣгутъ которые на рѣку... На рѣчкѣ, по веснѣ,

лѣтомъ, кто ловить бойкихъ огольцовъ, пескарей (мелкая рыба такая), кто взбирается на дерево, къ птицамъ поближе. Вотъ,—какъ сейчасъ вижу (старушка увлеклась, оживилась воспоминаніями своего раннего прошлаго), — одинъ паренекъ ужъ близко-близко подбирается къ вороньему гнѣзду; трещать подъ нимъ сухіе сучья, трещить посконъ на рубяхъ; крѣпко проѣхалъ вострый сучокъ по грязной ногѣ, кой-гдѣ, по мѣстамъ, проглянула кровь, а знай себѣ взбирается выше да выше... Вотъ ужъ близко поднялся къ желанному мѣсту: косматая головенка наравнѣ съ гнѣздомъ; силится малышъ заглянуть въ него, хочется ему узнать, что тамъ есть, но вдругъ затрещали, подломились подъ нимъ сучья, и... баловникъ, какъ снопъ, повалился съ дерева. Ребята хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши; вся ватага всполошилась; живо сбѣжались они, кричатъ: «Мала куча!»—и всѣ другъ на друга валятся. Бѣдному пареньку больно, но онъ не плачетъ: поежился съ минутой, помоталъ ноженками и живо вскочилъ... «Видалъ вороньи яички?» кричатъ ему малыши. Сморщился мальчуганъ, посмотрѣлъ сердито и, не думая долго, прыгъ къ дереву, — и вотъ опять взбирается проворно наверхъ. Ребята обступили дерево, не отходятъ, смотрятъ, что-то будетъ въ другой разъ...

«— Агашка, не лѣзь въ кучу: придавятъ...

«— Панфилка, не толкайся, дай взглянуть...

«— Долѣзетъ, ай нѣтъ?..

«— Знамо, долѣзеть!

«— Ой ли?

«Спорять ребятишки; не сводятъ глазъ съ ползущаго цѣпко по дереву Проши, сердчишки замираютъ; таково имъ и жутко и радостно... Маленькая Паланька растопырила ручонки, словно хочетъ словить смѣльчака, такъ и замерла... не смигнетъ глазомъ... И что же? Проня взобрался-таки на самую верхушку, уцѣпился ногами вокругъ дерева, хлопаешь въ ладоши, смѣется, — и внизу всѣ разомъ ему отвѣчаютъ громкимъ смѣхомъ; Проша вынимаетъ изъ гнѣзда пестренкія вороньи яички и показываетъ ихъ крикливымъ ребятишкамъ... Всполошились, взвились вороны, дружно подлетаютъ къ своему лиходѣю, каркаютъ, хлопаютъ крыльями, — норовятъ вцѣпиться въ курчавую головенку.

«— Проша! оставь ихъ... положи яйца на мѣсто... Не то вороны глаза выключаютъ!.. — кричатъ снизу ребята.

«— А вотъ я ихъ! — выкликаетъ Проша и заводитъ войну съ воронами, отмахивается длиннымъ сучкомъ.

«Положилъ онъ за пазуху яйца, хочетъ спускаться съ дерева; вороны ближе и ближе насѣдаютъ на него... Внизу гомонятъ ребятенки:

«— Не тронь, не тронь! Не обижай Божьей птицы!.. Положь яйца, отъ нихъ нѣтъ помѣхи!..

«Вороны то отлетаютъ, то опускаются и жалобно-жалобно каркаютъ. И безсловесная вотъ птица, а

свое-то родное чуетъ, и голосомъ хоть и нѣмо такъ выводить, а ясно сказывается :

«— Зачѣмъ, молъ, тебѣ чужое? Къ добру его не приведешь, сгубишь !

«Крикъ ребячій и крикъ вороній разлились по лѣсу. Гамъ и стонъ гулко идутъ по малой рѣчкѣ... Долго шумятъ ребятенки около дерева, тамъ, глядишь, опять разбрелись по рѣчкѣ: бѣгаютъ, купаются, роются въ песокъ. Рыжая Дашурка строить печки, землянки изъ мокраго песку и что-то жалобное шепчетъ про себя, минутой и улыбнется, придавить покрѣпче песокъ, а онъ у нея разомъ и развалится въ стороны; не слышитъ дѣвчурка, что мать ее кличетъ, высунувшись по поясъ изъ ближнихъ огородовъ :

«— Даша, Дашурка, поди, покачай Уляшку, а то зычать будетъ безъ пригляду!.. Ребята, кликните мою Дарью, гдѣ она тамъ запропастилась?..

«— Даша-а-а, ма-амка тебя-я кли-и-четъ! — разносится по берегу.

«Даша летитъ стрѣлой къ матери.

«— Гдѣ ты пропадаешь? Забыла, что у матери по локти работы и въ избѣ и въ огородѣ!..

«Съ другого конца тетка Степанида зоветъ своего Прова :

«— Проша, поди сюды! Снеси вотъ тяткѣ на пашню кваску да краюшку хлѣба... Чай, онъ тамъ отошаль... Можетъ, поборонишь на буланомъ стригункѣ, онъ къ работѣ поваденъ...

«Смиренъ двугодовалый стригунокъ; Проша не разъ забирался на него, не лягаетъ, — да отъ него никакой конь не отобьется...

«И бѣжить весело Проша съ кувшиномъ и краюшкой хлѣба къ отцу на пашню; отщипнетъ на ходу кусочекъ, другой тепленькаго хлѣбца и жуесть себѣ попросту... Подвернется по дорогѣ, шелестя травой али пригрѣваясь на припекѣ, на камешкахъ, зеленая, сѣрая ящерка, — сцѣпитъ ее Проша за хвостъ, поглядить-поглядить и опять бросить въ траву:

«— Ступай-де, живи, Божія тварь, бѣгай себѣ на волѣ!..

«Выпрыгнетъ робко изъ кустовъ длинноухій зайка и дасть тягу.

«— У, сѣрый! — съ присвистомъ гаркнетъ Проша, — догналъ бы тебя, только, сударикъ, теперь недосужно... А-у! у-а! а-ту! а-ту!..

«Идетъ паренекъ дальше; смотреть онъ зорко на траву, что растеть на лѣсной опушкѣ.

«— А вонъ скоро будетъ и ягода... Не спрячешься ты отъ насъ, лѣсная сласть! Погоди, выслѣдимъ тебя — поживимся въ свой чередъ!.. — И улепетываетъ дальше, подбѣгаетъ ближе къ отцовской межѣ...

«Остальные ребята тоже разбрелись съ рѣки всякій къ какому-нибудь дѣлу: кто сестренку качать, кто съ бабкой сажать расаду по грядамъ, кто бороновать родную полосу подъ гречу. Такъ весна весело проходить; скоро пролетитъ красная въ

теплыхъ лучахъ съ желтыми, голубыми, алыми цвѣтами, съ голосистымъ птичьимъ пѣньемъ, съ сочной зеленью, глядь — и жаркое лѣто ей на смѣну глянуло своимъ горячимъ ликомъ. Настало новое дѣло, новыя ребячьи утѣхи: пошли сѣнокосы съ родимой пѣсней по зорямъ, начали ребята сгребать, ворошить, копнить, подвозить сѣно, пошла ловля перепелокъ въ оголенныхъ косой ямкахъ, сборы клубники, земляники, разной ягоды съ визгливыми криками ребячьеѣ толпы, подоспѣло жнитво колосистаго хлѣба. Время льется какъ широкая рѣка, и ребята ужъ возятъ на ближнія гумна снопы, сидятъ что князя на самой вышкѣ воевъ съ крестьянскимъ богатствомъ...

«Глянула на задворки и слезливая осень съ дождевымъ ситомъ въ рукахъ, холодкомъ да сыростью... Небо не разъ ужъ проплакало надъ селомъ и опустѣлыми полями, — пошли ребята по грибы... Закурились овины, застучали дружно цѣпы по тяжелымъ снопамъ на гладкомъ току... Начнетъ гулять легкій вѣтерокъ, принимаются вѣять обмолотъ; тамъ просѣваютъ, подкраиваютъ, — и заскрипѣли воза съ новиной-хлѣбомъ, тихо двинулись длиннымъ гуськомъ на мельницы, въ городъ, на базаръ... Ребятамъ и въ это время не мало дѣла: возятся они съ мѣшками, съ широкими пологами, съ лоткомъ, ситомъ, съ конемъ... Уѣхалъ отецъ въ городъ, — приглядѣть надо за скотиной на водопоѣ, дать корму... Отецъ вернется изъ города, — будетъ

праздникъ: всѣмъ привезеть обновы, гостинцы, — шапку, касандрики на праздничную рубаху, а можетъ, глиняную дудку пѣтухомъ, утицей, — кренделей, колачъ, занятную картину въ копейку, грамотному — книжку въ пятакъ, семитку, сказку али важное такое про странниковъ, странницъ, дѣвчуркѣ — цвѣтной платокъ, алую, голубую ленту въ косу, можетъ, мѣдныя серьги, перстенецъ бирюзовый, красный борокъ на шею... Анъ и зима въ розвальняхъ пріѣхала, во дворъ вкатила, вся-то въ пухломъ снѣгу, что бѣлой пеленой прикрылась, — воетъ, завываетъ, голосить и въ лѣсу и въ полѣ, по селамъ и деревнямъ, бурей да метелицей заметая слѣдъ человѣчій и санный... Новыя утѣхи съ ней на улицѣ ввелись: горы, салазки, ледянки, — знобить, щиплетъ носъ и щеки, дрожь нагоняетъ, а съ улицы не сбѣжишь, — такъ туда малыша и манить, такъ тамъ его дѣдъ-морозко и хочеть заголубить...»

— Спишь, касатка? — вдругъ спросила старая няня, уставши отъ наплывшихъ на нее разомъ отрадныхъ воспоминаній дѣтства, молодости...

Кряхтя поднялась, осторожно заглянула въ кроватку, «спить!» — прошептала.

— Ну, спи съ Богомъ, Богородица тебя храни!..

* * *

Оля спала крѣпко, сладко, тихо было ея дыханье; плотно лежала одна щека на правой рукѣ;

а по другой щечкѣ разыгрался неудержимо яркій румянецъ; сны-грезы дѣтскіе, какъ причудливыя облака, такъ и ходили въ ея головѣ; быстро мѣняясь, они уносили ребенка далеко-далеко отъ теплой кровати, куда-то впередъ, въ будущее... Вотъ видится ей, что она стала уже больше ростомъ,—мама говоритъ: дома Олѣ ужъ нечего дѣлать,—пора въ институтъ... Она грустно задумывается; папа старается ее больше смѣшить, сталъ еще ласковѣе,—все потчуетъ то тѣмъ, то другимъ сладкимъ, подарилъ ей новую большую-большую куклу въ розовомъ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ... Утро. Олю разбудили раньше обыкновеннаго, и мама уже встала, сама ее поить вкуснымъ чаемъ съ сладкими булочками... Пришелъ старичокъ-батюшка,—славная такая у него бѣлая борода и доброе ласковое лицо,—сталъ онъ служить: читалъ что-то много, пѣли, молились папа и мама,—и она стояла между ними, въ серединѣ, становилась на колѣни; батюшка читалъ надъ ея головой изъ золотой книги, потомъ давалъ ей цѣловать эту книгу и крестъ тоже золотой... Папа поцѣловалъ Олю крѣпко-крѣпко, и сѣли они съ мамой въ новую карету, пара вороныхъ въ дышло, выбивая землю у крыльца, вдругъ взвилась на дыбы, и понеслись шибко-шибко, духъ занимался; только мелькали то и знай въ оконцахъ красивыя вывѣски, люди, небо... дальше ничего не разобрать... Подѣхали къ большому-большому дому и

стали разомъ; лакей открылъ дверцы кареты; швейцаръ съ булавой важно отворяетъ имъ стеклянные двери. Входитъ Оля по широкой лѣстницѣ, покрытой ковромъ, въ огромный свѣтлый залъ. Сколько дѣтей тамъ: и маленькія, и съ нее, и большія!.. Всѣ-то ее обступили. «Новенькая, новенькая!..» шепчутъ.

— Какъ васъ зовутъ, милая? — спрашиваетъ одна.

— Который вамъ годъ? — пристаётъ другая.

Оля въ сильномъ смущеніи, не знаетъ кому и отвѣчать. «Олей!.. Десятый!..» разомъ шепчеть растерявшаяся дѣвочка. Вотъ вышла изъ сосѣдней комнаты дама, серьезная такая... Всѣ дѣти отхлынули разомъ отъ Оли прочь, дальше и разошлись даже совсѣмъ. Олина мама стала говорить съ серьезной дамой, — о чемъ-то все ее просила и по-русски и по-французски. Вдругъ мама исчезла, Оля осталась одна, совсѣмъ одна... нѣтъ, кругомъ ея были дѣти, много дѣтей, но... все чужія. Тяжело ей стало; внутри что-то щемило, въ горлѣ какъ будто не хватало воздуха для свободнаго дыханія, глаза какъ-то учащенно замигали, хотя кругомъ было такъ чисто и въ нихъ не попала ни одна непрошенная пылинка... Но вотъ она уже бѣгаетъ съ прочими дѣтьми, и всѣ ей знакомы... И все-то она тутъ знаетъ; давно знаетъ и стѣны, и пюпитры, и комнаты всѣ, и широкий дворъ, на который съ подругами смотреть такъ часто изъ оконъ, и

скверъ, гдѣ попарно онѣ гуляютъ... все, все... Не разъ заглянула она съ одной изъ старшихъ даже и въ образцовую кухню... Пирожокъ съ рисомъ скушала украдкой... знакомая дала... Показался онъ почему-то вкуснѣе, чѣмъ въ общей столовой... «Mesdames, mesdames, давайте потихоньку грызть орѣхи!.. Вотъ у меня есть!.. мама привезла!» И всѣ грызутъ изъ-подъ передниковъ орѣхи, и скорлупки прячутъ въ карманы. Картины одна за другой мѣняются, какъ въ калейдоскопѣ: вотъ дѣти сидятъ за пюпитрами, учитель говоритъ, много, долго говорить; классная дама, пожилая уже, но всегда ходитъ бодро, держитъ тѣло прямо, какъ пирамидальная пальма, теперь смотритъ изъ своего угла на всѣхъ серьезно, строго... Она добрая, если не трогать ея любимицы—Амишки, слезливой болонки... Но вотъ что странно,—никто не видалъ, какъ она улыбается... Бѣдненькая, вѣрно, ея никто не любитъ; няня говоритъ, что только тѣ не умѣютъ смѣяться, кого никто не любитъ... Вонъ она покачиваетъ такъ важно головой,—вѣроятно, что-нибудь замѣтила... А въ это время Олю кто-то дергаетъ за передникъ и шепчетъ:

— Гордая, гордая... точно не слышитъ!.. Пойдемъ уже гулять по коридору... Будемъ вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ!.. Я тебя люблю... сильно люблю. Слышишь?!

И вотъ уже Оля, обнявшись, ходитъ съ смугленькой дѣвочкой по коридору. Дѣвочка ей таин-

ственно, шопотомъ рассказываетъ о томъ, какъ она жила дома, въ деревнѣ, какъ было весело тамъ, когда живы были ея папа съ мамой, какъ она тосковала, чуть сама было не умерла, когда случилось у нихъ большое горе: папа ея сидѣлъ за чаемъ, читалъ газету, и вдругъ—съ нимъ ударъ,—упалъ и умеръ... Маму тоже чрезъ годъ спрятали въ землю... Тетя все говорила, что она уснула отъ чахотки... ей *тамъ* лучше будетъ... И привезли меня сюда... «Какъ здѣсь скучно, Оля!» стонетъ дѣвочка и, припавъ къ своей подругѣ на плечо, начинаетъ плакать. Жалко Олѣ смугленькую дѣвочку, а чѣмъ ей пособить—не знаетъ...

— Не хочешь ли орѣшковъ?—говорить съ участіемъ Оля.—Вотъ у меня остались...

А печальная подруга все шепчетъ ей:

— Скучно, скучно тутъ, Оля! Тамъ лѣсъ теперь зеленый шумитъ и такъ хорошо разговариваетъ... Птицы поютъ... Скоро ягоды будутъ!..

Вотъ и каникулы: всѣ прыгаютъ, радуются, скачутъ по паркету... Вотъ и мама пріѣхала, беретъ Олю съ собой... Опять ѣдутъ, ѣдутъ шибко, скоро... Мама дорогой говоритъ Олѣ, что онѣ скоро поѣдутъ въ деревню къ тетѣ, Оля цѣлуетъ маму звонко, крѣпко и хлопаетъ отъ радости въ ладоши.

— Удержись, душа моя, отъ восторговъ,—останавливаетъ ее мама.—Ты—настоящая институтка!

Вотъ Оля и дома; всѣ на нее смотрятъ, не посмотрятъ; даютъ ей все лучшее, и пирожного,

сладкаго больше другихъ... Вскорѣ онѣ на тройкѣ съ колокольчиками мчатся къ теткѣ въ деревню... Луга, поля, рощи, холмы... Все это Оля видитъ въ первый разъ, все ее приводитъ въ восторгъ, и она постоянно кричитъ :

— Посмотри, мама, посмотри, какая красивенькая птичка... Какъ она граціозно летитъ!.. Посмотри, какіе хорошенькіе цвѣточки!.. Какъ все это мило!.. Не правда ли, мама, прелесть-прелесть?!

Опять Оля слышитъ прежнее замѣчаніе :

— Ты, душа моя, настоящая институтка!

А вотъ и деревня: взапуски бѣгутъ босоногіе ребята,—много ихъ...

«Должно-быть, — думаетъ Оля, — какъ няня рассказывала, они побѣжали на рѣчку играть... Ахъ, какъ хорошо бы сбѣгать съ ними туда же... Вотъ было бы весело!»

Между тѣмъ экипажъ подѣхалъ къ крыльцу; тетя встрѣчаетъ ихъ такая веселая, довольная... Какъ она рада имъ... Потомъ пьютъ чай, завтракаютъ... Мама пошла отдохнуть послѣ дороги, тетя тоже ушла распорядиться по хозяйству. Оля бѣжитъ въ цвѣтникъ, въ садъ. Ей хочется все видѣть, все разузнать, вездѣ побывать, а главное—пробраться къ рѣкѣ... Она уже видитъ синѣющія струйки воды и тамъ на берегу свободно скачущихъ крестьянскихъ дѣтей; она проворно бѣжитъ къ нимъ: ей хочется вмѣшаться въ ихъ толпу, принять участіе въ ихъ играхъ, весельѣ, погово-

рить съ ними... Перебѣгаетъ канавку... И стала... Что это тамъ такъ жалобно пищить, плаксиво стонеть? Вонъ съ той стороны канавы тоже идетъ черномазенькая дѣвочка въ одной синей рубашкѣ; услышавши этотъ пискъ, и она тоже остановилась, прислушиваясь съ какой-то ранней не по годамъ серьезностью на лицѣ; онѣ сошлись, имъ обоимъ, видимо, хочется заговорить; но одна робѣетъ и какъ-то ежится, ей не по себѣ, другая не знаетъ, съ чего начать...

— Что это стонетъ тамъ въ ямѣ, не знаете?— спрашиваетъ Оля...

— Вѣстимо, живность... Вишь, голосить... — высказываетъ нерѣшительно дѣвочка.

— Да какая? Зачѣмъ она туда попала?—недоумѣваетъ Оля.

— Щенокъ али котенокъ заброшены... это бываетъ... Може, нечѣмъ кормить, али много народится... ну, такъ-то и переводятъ ихъ...

И дѣвочка рѣшительно спустила свои босые ножонки въ канаву.

— Ай, упадете!—крикнула Оля.

— Не сумлѣвайся, — это намъ привычно...

Съ этими словами малютка скрылась совсѣмъ въ ямѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ снова выдвинулась наверхъ ея желтоволосая головенка, повязанная бѣлымъ платкомъ; одной рукой она карабкалась на поверхность, другой бережно придерживала двухъ маленькихъ щенковъ пепельнаго

цвѣта; они были еще слѣпы и, почувявши, что находятся въ добрыхъ рукахъ, не только успокоились, но одинъ изъ нихъ, вытянувшись, принялся сосать загорѣлую руку, съ такой ловкостью державшую свою жалкую находку.

— Вишь, кутяты...—выказалась случайная знакомка Оли, пуская ихъ на зеленую траву.

— Бѣдняжки!—вырвалось у Оли, когда маленькіе щенки, предоставленные самимъ себѣ, опять жалобно принялись южать.

— Мы ихъ выходимъ! У насъ бабка такихъ-то безродныхъ любить...

И, присѣвши надъ ними, дѣвочка стала ихъ медленно, тихо гладить по короткой шерсткѣ... Это сильно заняло Олю, и она невольно спросила:

— А какъ васъ зовутъ?

— Меня-то?

— Да, васъ!

— Домной!

— А гдѣ вы живете?

— А вонъ тамъ на краю, въ тяткиной землянкѣ.

— Какая это землянка?

— Землянка... — дѣвочка задумалась, — землянка, это жилье... Подъ я тебѣ покажу...

Домна, захвативши своихъ «кутятъ», двинулась впередъ, Оля пошла за ней. Ребята, смотрѣвшіе на все это изъ-за кустовъ, теперь всѣ разомъ по-

вылѣзли оттуда; ихъ заняло: *какъ это Домна съ барышней* спозналась? Они принялись объ этомъ гадать и такъ и этакъ, идя за ними слѣдомъ кустами, то выглядывая, то опять прячась...

— Поди, теперь въ ихъ хоромы будетъ шмонать?!

— Знамо!

— А какая лента-то на ней голубая, важная. Можетъ, теперь и Домашкѣ дать такую...

— Извѣстно... Они вѣдь добрые, любятъ это, кто, знаешь, съ ними дружить.

— А тебя словно, Паранька, завидки берутъ?

— Што мнѣ въ ея лентѣ-то, у меня своя есть: лѣтось еще тятка изъ города привезъ алую, ровно огонь горить, и серьги...

— Да гдѣ жъ онѣ?

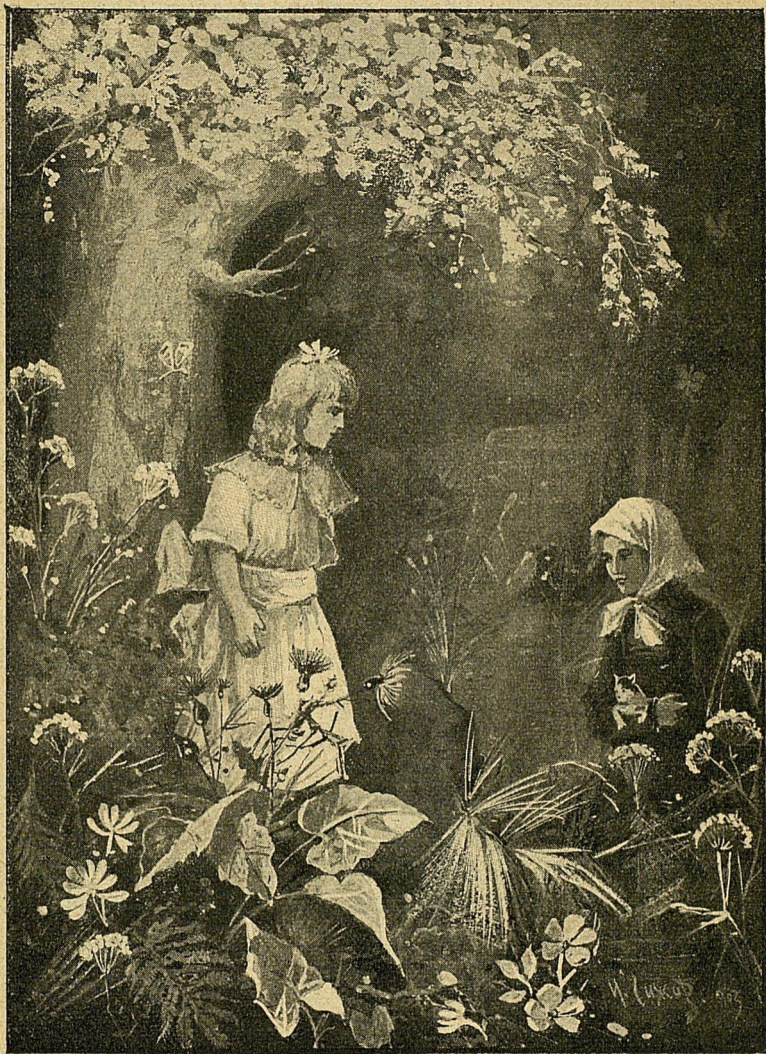
— Да мамка у себя хоронитъ въ сундукѣ... На Троицынъ день, говорить, дамъ... въ косу вплету...

Оля ничего этого не слышитъ, до нея доносятся какія-то глухія шушуканья ребятъ, и она смущается: ей думается, что они говорятъ о ней. Вотъ пришли къ ямѣ, принакрытой хворостомъ и соломой.

— Вотъ те и есть наше жилье! — говоритъ Домна, спускаясь по землянымъ ступенямъ къ низенькой дверцѣ.

Вошли въ землянку. Какъ тамъ грязно, чуть почти видно... Пищитъ ребенокъ въ пестрядной зыбкѣ, — вѣрно, ѣсть хочетъ... Никого нѣтъ. Домна

Мы ихъ выходимъ! У насъ бабка такихъ-то безродныхъ любить...

сунула «кутять» подъ лавку на рогожу, отломила кусокъ чернаго хлѣба, пожевала-пожевала его и, положивши въ тряпицу, осторожно вложила въ ротъ пискуна...

— Ну, нишкни; на соску!

И онъ замолкъ.

Оля смотрѣла на все это долго-долго, пристально, зорко и потомъ полюбопытствовала узнать:

— Зачѣмъ вы тутъ живете?—обратилась она къ Домнѣ.

Та, сначала не понимая ея, въ недоумѣніи смотрѣла на нее во всѣ глаза и упорно молчала.

— Что вы въ домѣ не живете?—переспросила Оля.

— Какъ же, и у насъ была хорошая изба... съ свѣтлой горницей... Да лѣтось тятка погорѣлъ... Все огонь, знаешь, поѣдомъ поѣлъ... Ну, новую-то избу силы и не хватаетъ справить,—вотъ и маемся... Весной али лѣтомъ—ничего; а по зимѣ-то—бѣда: снѣгомъ заносить... ну, и угарно...

Въ это самое время въ землянку вошелъ лакей.

— Васъ мамаша ищетъ; онѣ очень беспокоятся, и тетенька тоже сокрушается... Идите поскорѣй, сударыня!—прозвучаль глухо голосъ вошедшаго, какъ эхо въ узкомъ ущельѣ или отдаленный стонъ сдавленной груди.

Оля вся вздрогнула и бросилась вонъ изъ землянки—и вдругъ проснулась.

* * *

Было уже утро. Едва раскрыла Оля глаза, какъ ясно видитъ, надъ ея кроваткой стоитъ старушканяня и обтираетъ такъ тихо ей личико и шейку чѣмъ-то бѣлымъ да мягкимъ, приговаривая:

— Ахъ, касатка, вѣрно, видѣла тяжелые сны?.. Вишь, и подушка-то вся смокла, такъ всю, сударку мою, потъ и залилъ... Вонъ и головка какъ завалилась не ладно, а ножки-то совсѣмъ зарылись за перинку... Вставай-ка, Христось съ тобой! Освѣжимъ ликъ-то водицей да и къ мамочкѣ скорѣй чайку откусать... Она давно ужъ въ столовой.

Не рви цвѣтовъ — они
недолго живутъ.

(Посвящается Витѣ Лукашевичу).

Иыхтитъ паровозъ, тяжело дышитъ, пускаетъ густые клубы дыма... Засвисталъ паровозъ, тронулся, побѣжали по рельсамъ вагоны. Замелькали огороды, поля, лѣса, луга безъ конца. Вотъ и станція—одна, другая,—поездъ мчится впередъ и впередъ. Витя смотритъ въ окно вагона, вертитъ въ рукахъ ремень отъ оконной рамы, клонить голову то къ мамѣ, то къ тетѣ Александрѣ Николаевнѣ, то къ дядѣ Нику, то къ нянѣ,—скучно ему въ вагонѣ.

— Дядя Никъ, скоро пріѣдемъ на дачу?—спрашиваетъ Витя задумчиваго Ника.

— Скоро, милый мальчикъ, скоро... Вотъ будетъ станція, потомъ другая,—тамъ выйдемъ, сядемъ въ телѣжку,—и на дачѣ.

— Когда приѣдемъ, я нарву тебѣ, дядя Никъ, цвѣтовъ... съ твою голову... Хорошо?!

— Хорошо, милый племянникъ, да не со-
вѣмъ!.. Дядя Никъ не любитъ, чтобы рвали,
разоряли что-нибудь, били, обижали кого-нибудь.
Всѣ живутъ, ласковый, и хотятъ жить—и цвѣты,
и травы, и деревья, какъ живешь и ты, милый
говорунъ!

Витя задумался; прошло десять-пятнадцать ми-
нутъ, и онъ снова повторяетъ печальнымъ голо-
сомъ:

— Скоро наша станція?

— Подѣзжаемъ къ ней!..

Приѣхали; Витя выбѣжалъ изъ вагона, прыгнулъ
въ телѣжку.

— Дядя Никъ, я сяду на козлы, буду править...
Можно?

— Садись и правь!..

Витя захватилъ одну вожжу и протянулъ руку
къ кнуту.

— Дай мнѣ кнутъ... Какъ тебя зовутъ?—обра-
тился онъ къ мрачному финну.

— Адамъ... Кнутъ?! кнутъ не надо!..

— Милый другъ, зачѣмъ тебѣ кнутъ?!

— Я, дядя Никъ, хлыстну лошадь... она тихо
идетъ!

— У хорошаго кучера, голубчикъ, лошадь бѣ-
жить и безъ кнута... Нельзя бить... лошади больно!

— Больно, дядя Никъ?!

— Даже очень... Такъ же, какъ будетъ больно тебѣ, если хлыстнуть по твоей рукѣ!

— Но-о, но-о!.. у-у! Помчалась... скачетъ,—покрикиваетъ Витя, вертитъ вожжей и щелкаетъ по хомуту.

Онъ доволенъ и веселъ.

Дача близко; лошадь бѣжитъ къ дому бойко. Вотъ и балконъ, вотъ и палисадникъ съ березками, съ зеленой травой, съ желтыми цвѣтами. Подъѣхали; Витя выскочилъ изъ телѣжки, бросился въ палисадникъ; онъ накинулся на желтые цвѣты, рветъ-рветъ ихъ, словно они его обидѣли.

— Вотъ тебѣ, дядя Никъ, большой букетъ!—вбѣгая въ комнату, съ сіяющими глазами, съ яркимъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, побѣдно кричитъ Витя.

— Не надо мнѣ цвѣтовъ,—махнулъ рукой дядя Никъ,—не надо!.. Видишь, они опустили головки, скоро завянуть и умрутъ... Тамъ, на лужайкѣ, они росли и радовались теплу, свѣту, солнцу, весело кивали желтыми головками щебетуньѣ-ласточкѣ, перелетному вѣтру, яркому солнечному лучу... тамъ они шептали черному жуку, нарядной бабочкѣ: «Какъ хорошо весной, какъ хорошо!.. Мы счастливы!..» Жукъ гудѣлъ—«хорошо!» Нарядная бабочка трепетала крылышками и, склонивъ головку, повторяла: «Хорошо весной! Мы живемъ... всѣ живутъ... всѣ счастливы!..» гудѣлъ жукъ, спускаясь въ желтые цвѣты вмѣстѣ съ бабочкой. Съ низкаго забора,

— Вот тебѣ, дядя Никъ, большой букетъ!

любуюсь на цвѣты, щебетала радостно бѣлогрудая ласточка: «Да, счастливы... счастливы!..»

Витя теребилъ за рукавъ дядю Ника и, перебивая его, повторялъ:

— Цвѣточки и теперь, въ комнатѣ, будутъ жить, дядя Никъ, будутъ! Я нарву букетъ еще... много... Мамѣ, нянѣ... всѣмъ нарву!..

— И огорчишь дядю Нику!.. Говорю тебѣ, нарвешь—погубишь цвѣты, мой милый! Они умрутъ, имъ и такъ недолго прійдется жить... Отцвѣтутъ они скоро; ихъ малыя дѣтки-сѣмена упадутъ въ землю, тамъ отъ тепла и капель дождевыхъ разбухнутъ, лопнутъ, пустятъ два ростка: одинъ ростокъ пойдетъ внизъ, зароется глубоко въ груди матери-земли—и будетъ корешкомъ; другой ростокъ потянется вверхъ, къ свѣту, къ солнцу—и будетъ зеленымъ стебелькомъ. Корешокъ будетъ сосать изъ земли питательный сокъ, будетъ кормить и поить родной стебелекъ; на стебелькѣ потомъ будутъ расти опять желтые цвѣты. Не рви ихъ, ласковый, сорвешь—не будетъ ни сѣмянъ, ни корешковъ, ни стебельковъ, ни новыхъ цвѣтовъ! Не рви!

Но Витю беспокоили руки; онъ порывисто хлопалъ ладонь объ ладонь, убѣгалъ, поминутно носилъ новые букеты и бросалъ ихъ на окна. Наконецъ усталъ Витя, присѣлъ около дяди Ника и ласково гладилъ его бороду.

— Я тебя люблю, дядя Никъ, очень люблю!..

— Спасибо, милый мальчикъ; но ты это говоришь только, а на дѣлѣ, вижу, не очень любишь!.. Смотри, какія горы нарвалъ желтыхъ цвѣтовъ, и они плачутъ... Я слышу, они тоскливо шепчутъ: «Какъ хорошо было намъ на лужайкѣ. Но пришелъ маленькій человѣкъ, совсѣмъ маленький, и сталъ насъ ломать, сталъ отъ груди матери-земли... мы ему тихо-тихо говорили: больно, намъ больно!.. Будь добрымъ, добрымъ... не трогай насъ!.. У тебя, Божій человѣкъ, милое лицо, а ты дѣлаешь намъ больно!.. дай намъ пожить денекъ, другой!.. Онъ оборвалъ насъ, унесъ сюда и бросилъ... душно намъ здѣсь, душно!.. темно и душно! пить, пить! умираемъ!.. Эхъ, маленькій человѣкъ, чѣмъ мы тебя обидѣли, за что ты задушилъ насъ?!»

— Не говори такъ, дядя Никъ, не говори!..

— Погляди въ окно — вонъ, идутъ барашки, ягнатики... они жалобно кричатъ... Слышишь?!

— Что они кричатъ?..

— Зовутъ свою маму, чтобы она ихъ покормила... Видишь, одинъ, другой бросились къ овцамъ...

— Я ихъ покормлю хлѣбцемъ... Можно?..

— Покорми, да не оборви имъ уши... Ты, ласковый, все рвешь и рвешь!..

— Что ты, дядя, я барашковъ люблю... коровушекъ люблю, лошадушекъ, барашковъ люблю, курочекъ и...

— И хочешь бить лошадей кнутомъ!..

— Кучера вѣдь ихъ бьютъ!..

— Да, плохіе бьютъ...

— А хорошіе не бьютъ?!

— Хорошій человѣкъ никого не бьетъ и не обижаетъ!..

— Няня, дай хлѣбца... хлѣбца!—кричалъ и суетливо вертѣлся Витя около няни. Безпокойный мальчикъ, добрый и ласковый, захвативъ краюшку хлѣба, убѣждалъ къ овцамъ. Потомъ онъ пришелъ, довольный и радостный, разсказалъ, какъ кормилъ овцу-мать, какъ она лизала его руку.

— Эта овца благодарила меня, дядя Никъ... ягненокъ ея кричалъ; она положила ему голову на шею, потомъ лизнула его въ глаза и онъ замолчалъ...—восторженно говорилъ мальчикъ.

Витя бѣгалъ поминутно изъ комнаты на балконъ, во дворъ, побывалъ у коровъ, у лошадей, въ курятникѣ у куръ, поговорилъ съ уткнувшей тупую морду въ грязную лужу свиньей, прибѣжалъ снова въ комнату и спросилъ дядю Ника:

— Дядя Никъ, почему свинья идетъ, нюхаетъ землю, ни на кого не глядитъ и стонетъ?.. Болитъ, видно, что-нибудь у ней?!

— Она, мой другъ нѣжный, постоянно ищетъ чего бы ей почавкать... сыта, а попадется что-нибудь подъ морду—непремѣнно счавкаетъ. Свинья—обжора и стонетъ отъ жиру... она недовольна, что здѣсь грязи мало... кругомъ песокъ, а ей грязь да-

вай... Найдеть лужу и рада—уляжется въ ней, какъ въ пуховой перинѣ, и хрюкаетъ себѣ въ носъ: «Ахъ, какъ бы вездѣ такъ было пріятно... жили бы мы, свиньи, свиньями и радовались»...

— И свинью бить нельзя и изъ грязи выгонять?!

— Нельзя бить и свинку, грязную щетинку, а изъ лужъ выгонять можно и должно.

Витя прилежъ около дяди Ника, слушалъ его и дремалъ; онъ набѣгался, утомился и скоро заснулъ. Спитъ Витя; на лицѣ его счастливая улыбка, это онъ кормить хлѣбомъ корову, лошадь, овцу, и онѣ лижутъ ему руку—благодарятъ его... Это онъ выгоняетъ свинью изъ лужи и даетъ ей хлѣба... Свинья жадно чавкаетъ, похваливаетъ Витинъ хлѣбъ, но не благодаритъ его... онъ слышитъ, она хрюкаетъ: «Мало-мало, давай еще... что ни дашь, все счавкаю, все! А изъ лужи ты меня, ты, красавчикъ, не гони... грязь мнѣ мила... Свиньей я родилась, свиньей и умру... и не была бы я свинкой, грязной щетинкой, если бы не любила все чавкать и валяться въ грязи!..» Но вдругъ улыбка пропала съ милаго лица ласковаго мальчика и по смуглымъ щекамъ его побѣжали слезы,—это видитъ Витя, что мчится онъ къ желтымъ цвѣтамъ... Цвѣты замѣтили его издали, задрожали, стали подниматься выше, выше, застонали, заплакали горючими слезами; они всѣ разомъ закричали: «Идетъ, идетъ маленькій человѣкъ съ длинными руками... Онъ будетъ

рвать, душить насъ, какъ задушилъ вчера нашихъ братьевъ и сестеръ, и нѣтъ ихъ съ нами! Милый человекъ, не трогай насъ!» цвѣты поднялись выше Вити; когда онъ подошелъ къ нимъ и вошелъ въ самую середину, они обняли его съ головы до ногъ, цѣловали его въ шею, въ лицо, въ глаза и печально шептали ему въ уши: «Не трогай насъ, люби и жалѣй!..»—«Не трону я васъ, желтые цвѣты, не трону... Я люблю васъ, но меня не слушаются руки: я не хочу рвать, а онѣ рвутъ,—грустно говорилъ Витя.—Видите, я заложилъ руки за спину, держу ихъ теперь назади и не рву!»

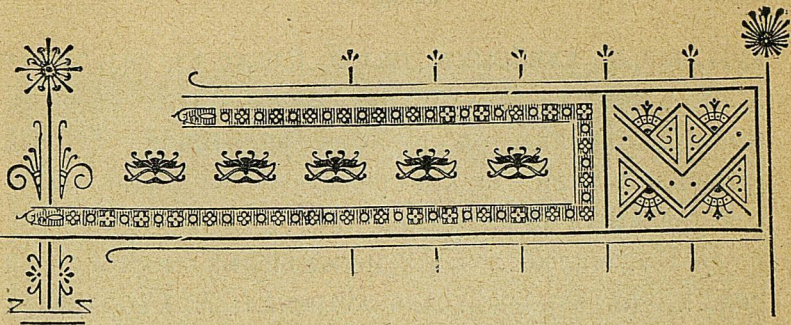
Витя вздрогнулъ и проснулся; онъ оглядѣлся кругомъ, поднялся, живо одѣлся и побѣжалъ къ окну, гдѣ на подоконникѣ лежали завядшіе желтые цвѣты; Витя потрогалъ ихъ осторожно рукой, погладилъ, сказалъ печально «умерли!..»—грустный отошелъ отъ окна и задумался.

— Ты что молчишь, милый Витюша, и смотришь куда-то вдаль?—спросила его мама, цѣлуя въ лобъ.

— Такъ, ничего, мамочка!—сказалъ онъ тихо, а на глазахъ его свѣтились слезы.

На лѣтнихъ вакаціяхъ.

(Изъ школьной жизни).

Лудятъ, поютъ колокольчики подъ дугами, летятъ съ горки на горку сытые кони, пылятъ другъ за другомъ два вмѣстительныхъ дормеза... Посвистываютъ на коней возницы, точно хотятъ обогнать перелетныхъ птицъ и разомъ, по щучьему велѣнью, доставить юныхъ барчатъ къ сладкому отдыху на лоно природы. Весело поглядываютъ юные гимназисты то на мелкій лѣсокъ въ сторонѣ, то на сѣрый поселокъ, прижавшійся къ горкѣ, у глинистаго буерака, то на хуторъ въ двѣ избы, который сторожатъ, какъ заботливые дѣды, высокія одонья стараго хлѣба. А тройки летятъ, пылятъ, чуть-чуть покачиваясь, объемистые дормезы уносятъ молодыхъ птенцовъ «умной науки» дальше отъ каменныхъ стѣнъ, дальше отъ «единицъ» и «пятерокъ», дальше отъ душнаго города на молчали-

вую ширь хлѣбныхъ полей, ближе къ знакомому лѣсу, ближе къ зеркальному пруду, ближе къ безымянной рѣчонкѣ съ шумной мельницей. Теплый день навѣваетъ сладкія грезы, смѣлые планы набѣговъ на лѣсъ, на прудъ, на рѣку.

— Ну, милые!.. Ну, дружныѣй на мостокъ — и дома!.. Эй, борода!.. Аль задремалъ?.. Сворачивай влѣво! — привставая на козлахъ, кричитъ возница.

Прижались кони, вытянулись въ струнку, бьютъ нога въ ногу и миновали узкій мостишко. Миновали зыбкую плотину... Вотъ кривая улица, баба съ полнымъ ведромъ, съ поклономъ неспѣшнымъ... мимо. Промчались по широкой площади и шумно подкатили къ крыльцу съ бѣлыми колонками, съ рѣзнымъ навѣсомъ.

* * *

— А-а, Сержъ, Жанъ!.. Милые, здравствуйте!.. какъ выросли!.. Это кто — не узнаю... Ба, Жакъ!.. Что ты желтый?.. и носъ заострился, — или, душа, болѣлъ?!

— Нѣтъ, бабушка, мы здоровы!..

— Садитесь-ка рядкомъ, я на васъ погляжу. Михайло, Палаша, Оеклуша, гдѣ вы? Чаю, кофе... завтракъ сюда!.. Дѣтямъ комнаты приготовить наверху!.. А мать гдѣ?.. дѣвочки?.. У-ухъ!

— Онѣ сейчасъ войдутъ, бабушка, — выбираютъ тамъ съ людьми изъ экипажа.

— Ну, милые!.. Ну, дружнѣй на мостокъ!

— То-то!..—И старушка засуетилась въ креслѣ, надѣвая очки, давая разныя приказанія прислугѣ, бросая ласковые взоры на внучатъ. Морщинистое лицо, сухія губы ея освѣтились радостной улыбкой.

Сержъ, Жанъ, Никса Скрипицыны и Жакъ Добрынинъ—внуки старушки отъ двухъ дочерей. Сержъ строенъ, говоритъ много, большой фантазеръ и разсѣянъ до смѣшного. Жанъ молчаливъ, любитъ клеить, строить что бы то ни было и вмѣстѣ большой книгоѣдъ; Никса веселый, постоянно хохочетъ и надъ всѣми смѣется; Жакъ сдержанъ, «зубрила мученикъ», тихъ и скромнень. Всѣ четверо дружны между собою, хотя и не похожи другъ на друга.

Въ комнату пожаловала мама Скрипицына съ двумя маленькими дочками—Катечкой и Манечкой.

Катечка и Манечка разъ въ разъ граціозно «присѣли» предъ бабушкой. Бабушка ихъ погладила костлявой рукою по волнистымъ локонамъ,—и начались разговоры. Подали чай, кофе, горячій завтракъ,—кушали и разговаривали; потомъ кушали и гуляли по парку, любовались «природой» и снова кушали...

Зажглись звѣзды на небѣ; защелкалъ соловей въ рощѣ; луна облила фосфорическимъ свѣтомъ картины дремлящихъ цвѣтовъ, сонно лепечущія деревья,—и всѣ разошлись, пожелавъ бабушкѣ «спокойной ночи», по своимъ комнатамъ: мальчики къ себѣ наверхъ, мама Скрипицына съ Катечкой

и Манечкой въ угольные комнаты, направо отъ балкона, бабушка въ свою спальню налѣво; за нею тѣнью мелькнула Оеклуша.

* * *

Прошли три недѣли со времени пріѣзда Скрипицыныхъ въ деревню къ бабушкѣ; мальчики за это время перебивали вездѣ: катались на лодкѣ по пруду, ловили рыбу подъ спускомъ у мельницы, были не разъ въ лѣсу. Они устроились наверху въ двухъ комнатахъ отлично. Въ одной Жанъ установилъ станки—выпильный и столярный, разложилъ на полочкахъ инструменты: рубаночки, молоточки, долота, пилки и т. п., тутъ же книжки-самоучителя выпилки, столярнаго и механическихъ издѣлій. Жанъ съ утра строгалъ, пилилъ и мастерилъ разныя разности; увлеклись тѣмъ же и Сержъ съ Жаномъ и Никсой: они тоже возились въ общей мастерской до обѣда. Сержъ, впрочемъ, нерѣдко уходилъ въ сосѣднюю комнату или въ паркъ, въ бесѣдку, писать свой дневникъ: онъ велъ дневникъ. Послѣ обѣда мальчики бродили ежедневно внѣ дома. Имъ было хорошо, весело и привольно у бабушки.

Въ голубой тетрадкѣ дневника Сержи, часто забываемаго имъ по разсѣянности на окнѣ, можно было прочитать:

«10-го іюня. Проснулся и былъ радъ, что я въ деревнѣ. Видѣлъ сонъ: Гриниковъ спросилъ изъ

латинскаго,—и я нарѣзался; Гриниковъ поставилъ единицу. Звонокъ,—я бросился изъ класса съ неудачи какъ чумной, налетѣлъ на инспектора, чуть было не сбиль его съ ногъ... сунулъ на часъ въ уголъ; за единицу оставили безъ обѣда... У-уфъ!.. Слава Богу, я у бабушки! Ходили на прудъ, Жанъ поймалъ язя съ руку... нѣтъ, меньше—такъ четверти въ двѣ, а можетъ, и полторы; у меня сорвался карась—прозѣвалъ. Купались, Жакъ нырялъ; хорошо онъ ныряетъ. Катались на лодкѣ, я зацѣпилъ за кустъ, слетѣла фуражка, поплыла, я съ лодки потянулся за ней, поймалъ, вымокъ по поясъ. Катя сфискалила объ этомъ мамѣ; мама даже плакала, бабушка цѣлый часъ ворчала. Ухъ, эта Катя—язычокъ! Жанъ что-то затѣваетъ; какую-то механику подводитъ, чертежъ дѣлаетъ; хитрулька! помалкиваетъ. Я началъ выпиливать рамку бабушкѣ, идетъ дѣло туго, сломалъ три пилки, Жанъ раскричался, Жакъ сопѣлъ и косился: одна пилка была его,—скупердяй! Выклянчилъ еще у него пилку. Розы въ полномъ цвѣту; какой сладкій, пріятный воздухъ въ цвѣтникѣ, не ушелъ бы»...

Далѣе что-то было писано еще; но рѣзко зачеркнуто, осталось слово—«не стоитъ» и снова опять смазано.

«15-го іюня. Бабушка угощала свѣжей клубникой со сливками, — чуть не объѣлся. Катя опять сболтнула мамѣ, что мы ходили босые по болоту; откуда она все узнаетъ? Должно-быть, ей нашептываетъ

Аришка скотницына. Аришка бѣгала за нами,—я видѣлъ, какъ она подглядывала изъ кустовъ; надо положить этому конецъ. Открылось : Жанъ задумалъ устроить водопадъ. «Прорыть,—говорить,—только канавку отъ родничка къ болоту, пристроить желобокъ и этакую штучку, какъ у мельницы — забылъ, какъ онъ называлъ,—и дѣло въ шляпѣ!» Посмотримъ, удастся ли? Надо держать въ секретѣ, а то садовникъ Оедоръ подниметъ — и все разстроится. Жанъ работаетъ по утрамъ до поту. Раковъ два десятка наловили. Лягушки противныя шмыгаютъ и пугаютъ очень... Мими бабуш.!!» Далѣе сильно зачеркнуто и ничего нельзя разобрать.

«Іюнь. Число забылъ; все равно конецъ этого мѣсяца. Еще съ мѣсяцъ проживемъ, — жалко, не увидишь, какъ время пройдетъ. Хорошо бы было, если бы дни не торопились; а лучше, — если бы они шли назадъ, такъ до 20-го мая, а тамъ опять впередъ до 1-го августа и опять назадъ. Жанъ приготовилъ три ящика, а мы съ Жакомъ смастерили желобъ. Послѣзавтра пойдемъ уставлять эту хитрую механику, что-то будетъ? Бабушка подарила Катѣ и Манѣ по кролику; напрасно: измучаютъ онѣ ихъ, заморятъ... гдѣ имъ ухаживать: дѣвочки и плаксы... Нынче мы съ ними бѣгали на песчаной площадкѣ; Никса побѣждалъ за Маней; она бросилась отъ него къ дереву, чуть задѣла за сучокъ,—и расплакалась. Не стоитъ съ такими и играть! Аришка перешла на нашу сторону, ло-

вила съ нами гольцовъ въ рѣчушкѣ: мы удочками, она рогожкой,—ловко; по болоту бродить, какъ цапля,—молодецъ!»

«Июль. Перенесли наши ящики и желобъ на мѣсто; Аришка помогала; приказали ей молчать; говорить: «Онѣмѣю, хоть убей, никому не скажу!» Чудная,—и съ нами ужъ молчить, какъ нѣмая. Вострая дѣвчонка и воду любить... Некогда»... и вся фраза зачеркнута.

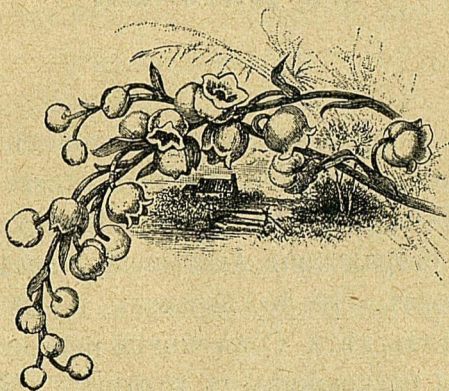
«Июль. Числа не помню; вторникъ. Уррр-а-а!.. Устроили: клубами бьетъ и пѣнится водопадъ—картина!.. Жанъ торжествуетъ. Бабушка все спрашиваетъ, что мы дѣлаемъ наверху. «Механики вы мои самоучки,—говорить,—что тамъ мастерите? Отдыхали бы больше на волѣ!» Преподнесъ нынче ей рамку,—восхищена!.. Ну, довольно!.. теперь не до дневника, начнемъ дѣйствовать на болотѣ. Скоро и въ городъ, надо ловить время. Мама заскучала: она не любить деревни»... Ниже нарисованы рука, фуражка, носъ и что-то въ родѣ уса. Дневникъ обрывается.

* * *

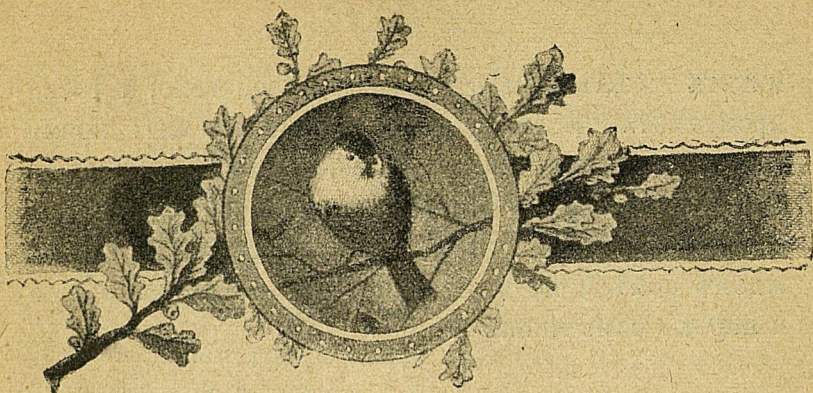
Конецъ лѣту; пора птенцамъ «умной науки» и въ городъ; прощай, тихая деревня!.. Звенять и точно плачутъ теперь колокольчики подъ дугами; а кони все бѣгутъ и бѣгутъ, какъ бѣжали они и два мѣсяца тому назадъ изъ города въ деревню. Что бы потише!.. Нѣтъ, лучше скорѣй! Чѣмъ то-

миться, — сѣлъ на мѣсто, сѣлъ за свое дѣло, и тоска пройдетъ!.. «Всякому овощу свое время»: время наукѣ, и потѣхѣ веселой свой часъ. Улыбаешься или хмуришься, мой читатель, но положи руку на сердце: развѣ объ этомъ не говоритъ тебѣ въ каждомъ домѣ и на всякомъ мѣстѣ изъ всѣхъ щелей и норокъ сама милая жизнь?!

Въ дѣтской.

[(Картинка).

Ва окномъ воетъ вѣтеръ, стонетъ буря, плачетъ метелица, свѣта Божьяго не видно. Тепло, тихо въ дѣтской. На стулѣ у печки склонилась старая няня Агатьевна, вяжетъ чулокъ, клюетъ носомъ, что-то шепчетъ и дремлетъ. За столомъ сидятъ дѣти. Соня шьетъ передникъ куклѣ Машѣ, Боря раскрашиваетъ картинку «Медвѣдь на пчельникѣ», припалъ низко къ столу и старательно покрываетъ пчелъ, голубей, медвѣдя желтой краской.

Катя гладитъ по свѣтлымъ волосамъ куклу Сашу, пухлые губы ея чуть-чуть шевелятся, она едва слышно лепечетъ: «Саша умница, Саша красавица, паинька Саша, береги платьице... другого нѣтъ у

тебя... денежекъ у насъ мало!..» Слѣва къ ней подкрадывается на цыпочкахъ Костя, онъ вытянулъ на правой рукѣ указательный и безымянный пальцы, прижалъ къ ладони большой, средній, мизинецъ и укаетъ: «у-у-у» идетъ коза рогатая, идетъ коза бодатая... ногами — топъ-топъ-топъ!.. рогами стукъ-стукъ-стукъ!.. она Катю забодаетъ, ея Сашу затопчетъ!.. у-у-у» — и пырнулъ пальцами Катю въ бокъ. «Ай»... испуганно вскрикнула Катя. Костя положилъ руку на куклу Сашу: «Сашу затопчетъ!..» протянулъ онъ, потрясая головой... «Не дамъ Сашу, не дамъ... бодай, коза, Катю... Сашу не дамъ!» плаксиво причитала Катя, прижавъ куклу къ груди.

Вѣтеръ хлеснулъ въ окно сердито, обдалъ снѣжнымъ облакомъ все стекло. «Тукъ-тукъ-тукъ!» тукнуло что-то темное въ окно. «Тукъ-тукъ-тукъ!» словно черный камешекъ въ снѣжной пыли стучалъ въ стекло. Дѣти вздрогнули, бросились отъ стола. Боря подскочилъ къ окну.

— Птичка! — крикнулъ онъ, вспрыгнувъ на подоконникъ.

— Няня, пустимъ ее въ дѣтскую! — подала голосъ Соня.

— Ее бурей замететъ... пустимъ! — волновался Костя.

— Она замерзнетъ... дрожить! — задыхаясь, говорилъ Боря.

— Няня, птичка мерзнетъ! — плакала Катя.

— Пусти, Боренька... пусти, нельзя и птицѣ отказать въ тепломъ углу, — опустивъ чулокъ со спицами на колѣни, отвѣтила няня.

Шумно размахнулась фортка, шумно съ клубомъ снѣжной пыли пронеслась надъ головами дѣтей малая птичка и камнемъ упала на столъ вблизи лампы; она дрожала, быстро мигала растерянными глазками; крылышки ея повисли.

— Синичка! — радостно зазвенѣлъ голосокъ Сони.

— Она самая! — подтвердила няня. — Боренька, форточку-то поплотнѣе прикрой... ишь, какъ несетъ!.. Застудитесь, маменька насъ не похвалить...

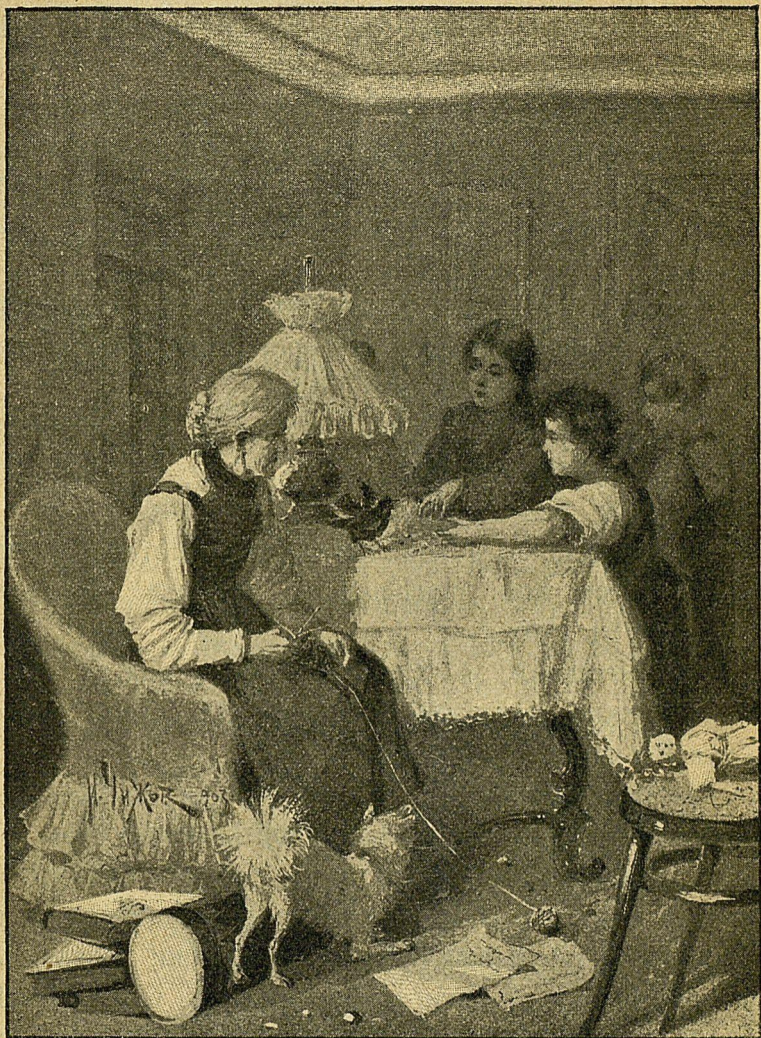
Буря реветъ и воетъ, словно злится, что скрылась отъ нея птичка; вѣтеръ отчаянно бьетъ въ стекла, видно, хочетъ ворваться и унести синичку изъ теплой комнаты снова въ лютую стужу. Морозъ трещитъ и гуляетъ во тьмѣ съ метелью. Тепло и свѣтло въ дѣтской.

Хорошо дѣтямъ; на лицахъ ихъ радость; они окружили тревожную птичку. Костя торопливо крошитъ кусокъ булки, бросаетъ на столъ; крошки падаютъ на полъ; Катя подбираетъ ихъ и робко кладетъ ближе къ птичкѣ, быстро отдергивая бѣлую ручонку.

— Отойди, Катя!.. я кормлю ее... это моя булка! — сердится Костя.

— И я хочу кормить! — отбивается Катя.

— Ты пугаешь ее... Видишь, она не боится!..

— Ты пугаешь ее... Видишь, она не ѣстъ!.. Отойди, говорю! — крикнулъ Костя и оттолкнулъ Катю.

Синичка оглядѣлась и бойко клюнула крошку.

— Схватила... мою крошку... вонъ и другую... мою... твоихъ не беретъ... онѣ большія... подавится она... — лепечеть радостно Катя и хлопаетъ въ ладоши.

Костя, подбѣжавъ ближе къ столу, обсыпалъ синичку крошками; птичка вспорхнула высоко и ударилась головой въ потолокъ.

— Ай, убилась!.. Костя, что ты сдѣлалъ! — плаксиво крикнули дѣвочки.

Синичка тяжело опустилась на конецъ стола; Соня накрыла ее рукой, птичка затрепетала; Соня припала къ ней, поцѣловала; синичка щипнула дѣвочку въ губу.

— Противная, я пожалѣла ее... она... она... какъ больно... — въ слезахъ повторяла Соня, выпуская изъ-подъ руки синичку.

— Эхъ, Сонюшка! — качала головой няня. — Это она со страху... и человѣкъ иной ласку-то твою не сразу пойметъ и обидитъ, а ты сейчасъ браниться зачала и въ слезы... Это вѣдь вольная птичка... къ людямъ-то не приглядѣлась... не то они ласкаютъ, не то мучатъ... люди-то не просты, гдѣ птичкѣ понять ихъ... Покрошите ей хлѣбца и оставьте въ покоѣ... она оглядится, сама крошки-то найдетъ... Дали ей пріютъ теплый, поѣсть малость... она васъ

не забудеть... прилетить и въ другой разъ... не смотрите, что птица, къ добру-то и она памятлива.

Прошла ночь; буря затихла; дѣти выпались, проснулись—видать синичка прыгаетъ по столу, чивикаетъ, подбираетъ крошки. Дѣти вышли изъ дѣтской; няня открыла фортку, чтобы освѣжить комнату; синичка весело защебетала и вылетѣла на вольный воздухъ. Когда дѣти снова вбѣжали въ дѣтскую, Катя, прыгая, лепетала:

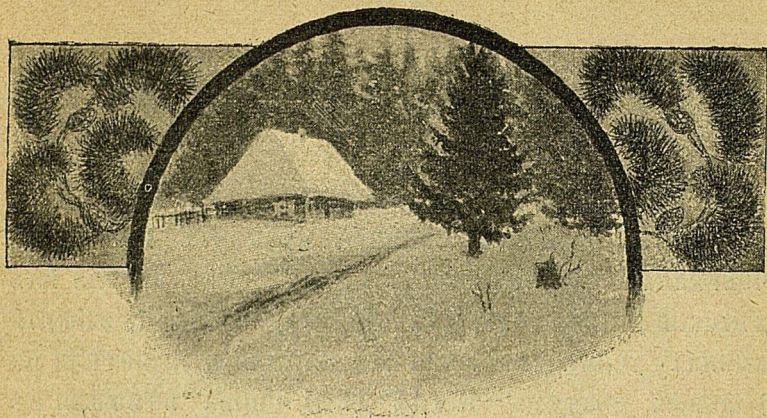
— Синичка, здравствуй!.. доброго утра!..

— Нѣту нашей синички, милая!.. она всѣмъ вамъ прочивикала: «благодарю покорно за хлѣбъ, за тепло, за ласку... я васъ не забуду»,—и упорхнула къ товаркамъ!—сказала старая няня Агатьевна.

И синичка въ эту выюжную, студеную зиму дѣтей не забывала: она стучалась много разъ въ окно ихъ дѣтской и гостила у нихъ по суткамъ, Катѣ забиралась даже на голову и перебирала ея мягкіе свѣтлые волосы.

Снѣговые человѣчки.

(Картинка-силуэтъ).

бабушка, гляди-ка... падаетъ снѣгъ!..

— Ахъ, батюшки, и то, кажется, снѣгъ!..

Дѣти припали къ окнамъ; тутъ же и бабушка смотреть, улыбается, рада за внуковъ. Давно они ждали зимы, а зима не шла... Снѣгу не было, хотя и стояли свѣжіе морозцы... И вотъ снѣгъ пошелъ, — пришла зима.

Прошелъ первый снѣжный день, — дѣти не отходили отъ оконъ.

Рано явилась и ночь. Спать дѣти и видятъ во снѣ ледяныя горы, санки, лыжи и коньки... «Эй, Сергѣй, слышишь... сторонись!.. Дай дорогу...

вправо... влѣво!.. Ротозѣй, расквасишь носъ!..» кричить впросонѣ Вася... «Господи Іисусе, помилуй его!.. вѣрно, катить съ горы...» шепчетъ старая няня, перевертываясь на правый бокъ въ своей кровати, крестится, зѣваетъ... «Милый, дай Богъ ему вырасти добрымъ, хорошимъ. Пускай бѣлымъ снѣжкомъ лежитъ ему прямая дорожка!..»

Проснулось утро, проснулись и дѣти,—опять къ окнамъ. — Господи Боже, снѣгу-то снѣгу, — полонъ дворъ!.. Гдѣ тутъ устоять у оконъ,—захлопали по комнатамъ двери, звенять голоса: «Папа, можно?»— «Мама, позволишь... только на часокъ?..»— «Можно!»— «У-у... можно!..»

— Няня... скорѣй давай полушубокъ... мама велѣла!..

— Гдѣ моя шапка, няня?.. Слышала, папа позволилъ намъ быть на дворѣ!..

— Няня, куда засунула мой шарфъ?!

Сбилась съ ногъ старушка-няня,—бросится къ одному—кричитъ другой, бросится къ другому—пищитъ третій...

— Да погодите, свѣтики, минутку... Всѣмъ, что надо, будетъ...

— Видишь, некогда, а ты копаешься!..

Дѣти на дворѣ катаютъ снѣжный комъ за комомъ, лѣпятъ снѣговыхъ человѣчковъ. Всѣ возятся, только стоитъ въ сторонѣ, опустивъ руки, кухаркинъ сынъ Антошка, рыжій, рябой,—онъ точно застылъ на мѣстѣ...

— Антонъ!.. Антоша!.. ты хочешь катать снѣгъ?.. Можешь лѣпить человѣчка?..

— Что же... Пожалуй... поди, смогу... Во какую наверхчу глыбу,—развелъ руками Антошка,—машина человѣкъ-то будетъ, поди, больше дяди Игната!..

— Ну, катай...

— Съ котораго края?

— Съ какого хочешь.

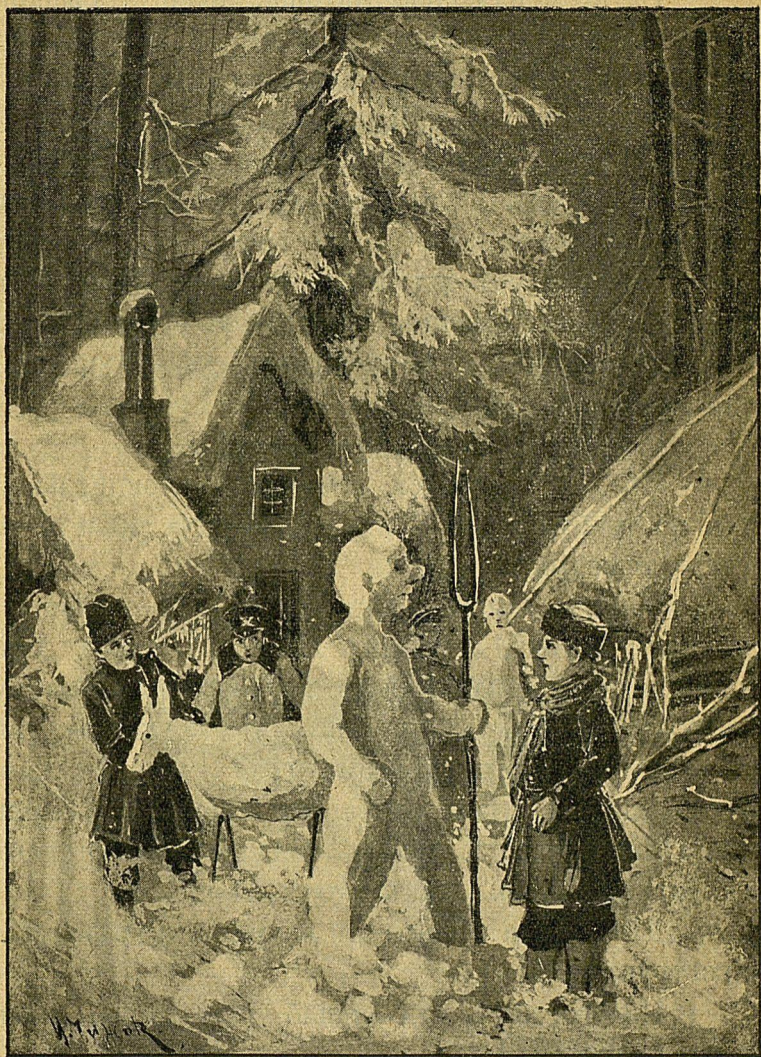
Антоша ожилъ, улыбается во все лицо; онъ наворачтываетъ снѣговой шаръ съ себя ростомъ,—катить его, сопить, изъ-за бѣлаго кома-горы чуть видна его синяя шапка.

Лѣпятъ снѣгъ дѣти, раскраснѣлись у нихъ лица, руки, смѣхъ растеть, растеть и Антошкинъ дядя Игнатъ, растеть и Гришинъ осликъ на черныхъ колышкахъ вмѣсто ногъ.

— Гриша, знаешь что... посадимъ мы на твоего ослика снѣгового Антошку, навѣсимъ ему на бокъ Колину саблю, на голову надѣнемъ бумажную трехуголку съ перомъ, которая, помнишь, досталась мнѣ съ елки... Хорошо?.. И поѣдетъ нашъ Антошка рыцаремъ по лѣсу, будетъ воронъ избивать, чтобы они не каркали, не пугали прохожихъ, проѣзжихъ... — предлагаетъ Вася.

— Не надо ему саблю, Василий Никитичъ, не надо, —возражаетъ настоящій живой Антошка,—дайте ему въ руки метлу—это ладнѣе выйдетъ... на воронъ-то!..

Мастерять Гриша, Вася, Андрияша Антошку-рыцаря.

— Ты не понимаешь, Антоша, молчи!.. Рыцарь и съ метлой!.. рыцарь-господинъ и всегда при саблѣ... Метла будетъ у ослика вмѣсто хвоста...

— А что твой дядя Игнатъ будетъ дѣлать?

— Извѣстно, что мужикъ дѣлаетъ по зимамъ: хворостъ будетъ носить изъ лѣсу, было бы чѣмъ печи топить въ холода.

— Отлично... И повстрѣчаетъ онъ рыцаря и рыцарь съ нимъ сразится... и побьетъ его...

— Ой ли, мой дядя-то Игнатъ, у-у—здоровый, гляди, рыцарь-то его не одолѣетъ!..

— Рыцарь одолѣетъ... у него сабля...

— Нѣ... не справится, кой грѣхъ,—тощій, поди, рыцарь-то будетъ, а у дяди-то Игната руки-то во какія, тяжелыя.

Мастерятъ Гриша, Вася, Андриюша Антошку-рыцаря, ослика, а рыжій, живой Антошка уже кончилъ своего дядю Игната, накинულъ ему вязанку хвороста, далъ рогатинку, а самъ заложилъ руки за спину и ходитъ кругомъ его, любитъ, смотритъ справа, слѣва, улыбается и шепчетъ: «Поди ты, снѣгъ былъ, а теперь, видишь, человѣкомъ глядитъ... Чудно... какъ это я смогъ!..»

— Дѣти, дѣти!.. идите въ комнаты, согрѣйтесь... простудитесь!..

— Ничего, папа, намъ тепло, даже жарко... кончимъ и придемъ!..

— Гляди, папа, хорошъ носъ у Антошкина Игната?..

— Носъ... морковь сладкая... чего лучше...

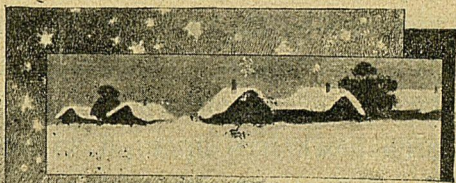
— А нашъ господинъ-рыцарь каковъ?..

— Да-а, важный и видъ имѣетъ грозный...

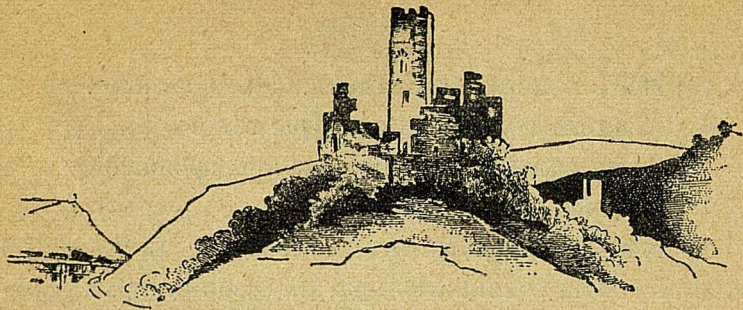
— Онъ воюетъ съ воронами.

— А-а... оттого-то онъ и грозенъ такъ, идетъ походомъ на сильнаго врага... издали ужъ наводитъ на него страхъ...

«Охъ, милые... ожили на снѣгу-то... птенчики мои... Кого зима знобитъ, а имъ и зимой тепло... какъ бы такъ-то весь вѣкъ имъ было тепло да радостно... Дай-то Богъ!» шепчетъ старая няня, глядя на дѣтей въ потное оконное стекло.

Мой пріатель Буня.

Моего маленькаго пріателя Вячеслава папа и мама зовуть Буней; ему восемь лѣтъ. Буня — любитель звѣрей, разныхъ животныхъ, книжекъ съ картинками. Звѣрей и животныхъ онъ прекрасно вырѣзываетъ ножницами изъ картъ; я увѣренъ, — вы такъ не сумѣете вырѣзать козла, жираффу, свинью, лошадь, льва...

Любое животное онъ щелкъ-щелкъ ножницами — и выстрижетъ вамъ изъ простой карты — вы тутъ же узнаете, какое это животное... Да, большой искусникъ мой пріатель Буня!

— Смотри, хорошъ заяцъ? — показываетъ мнѣ Буня выстриженнаго изъ бумаги зайца.

— Милъ!

— А слонъ?

— И слонъ милъ. Зачѣмъ это онъ хоботъ вытянулъ?

— Булки просить... не понимаешь. Видѣль въ зоологическомъ саду, какъ слонъ подхватываетъ булку хоботомъ?

— Аа!.. видѣль!

— Ну, это онъ самый и есть!

— Точно, теперь вижу—онъ самый!

— Я думаю отправиться въ Африку, потомъ въ Америку, тамъ всѣхъ звѣрей увижу и... нѣкоторыхъ возьму съ собой.

— Отлично!

— Захвачу ружье, ножикъ, сумку съ хлѣбомъ...

— Зачѣмъ тебѣ ружье? Съ ружьемъ, пожалуй, не справишься—звѣря разсердишь,—ну и бѣда!..

— Безъ ружья нельзя! Вдругъ выползетъ большая змѣя, левъ выскочить.

— Бери лучше дудку. Выползетъ змѣя, ты сейчасъ и заиграй на дудкѣ... Змѣя будетъ слушать,—ты и пройдешь своей дорогой. Выбѣжить левъ, опять играй на дудкѣ! Иди—и играй!..

— Хорошо, я возьму дудку, а все же безъ ружья нельзя. Ну, посуди самъ: захочу я ѣсть, чѣмъ я убью птицу, животное, чтобы приготовить себѣ пищу?

— Дудка и тутъ тебѣ поможетъ; замѣтилъ птицу—и играй; она заслушается, подходи ближе и бери ее руками; потомъ дѣлай съ ней, что тебѣ надобно.

— Ну, а если она слушать не станетъ, взовьется и улетитъ?..

— Может-быть, и улетить, если не сумѣешь играть такъ, чтобы этой птицѣ понравилась твоя игра. Я и говорю тебѣ: отыщи ты такую дудку, чтобы на ней можно было играть и для змѣй, и для льва, и для всякой птицы, для всякаго животного, и выучись играть не «ду-ду-ду!» а непременно что-нибудь интересное для всѣхъ, тогда и отправляйся!

— Да, съ такой дудкой хорошо! Пожалуй, вездѣ пройдешь!..

— Вѣрно, пройдешь, иначе она не настоящая будетъ дудка и брать ее не къ чему и ходить съ ней нельзя...

— Твоя правда, — дудка лучше ружья: она и маленькая, не тяжело ее носить.

— Конечно, маленькая, — въ палецъ длины; въ кулакъ зажать, — никто и не замѣтитъ ея, а ты себѣ ходи и дуди. За тобой пойдутъ, какъ собаки — слоны, тигры, львы...

— И гіены? А гремучія змѣи?

— Поползутъ и змѣи.

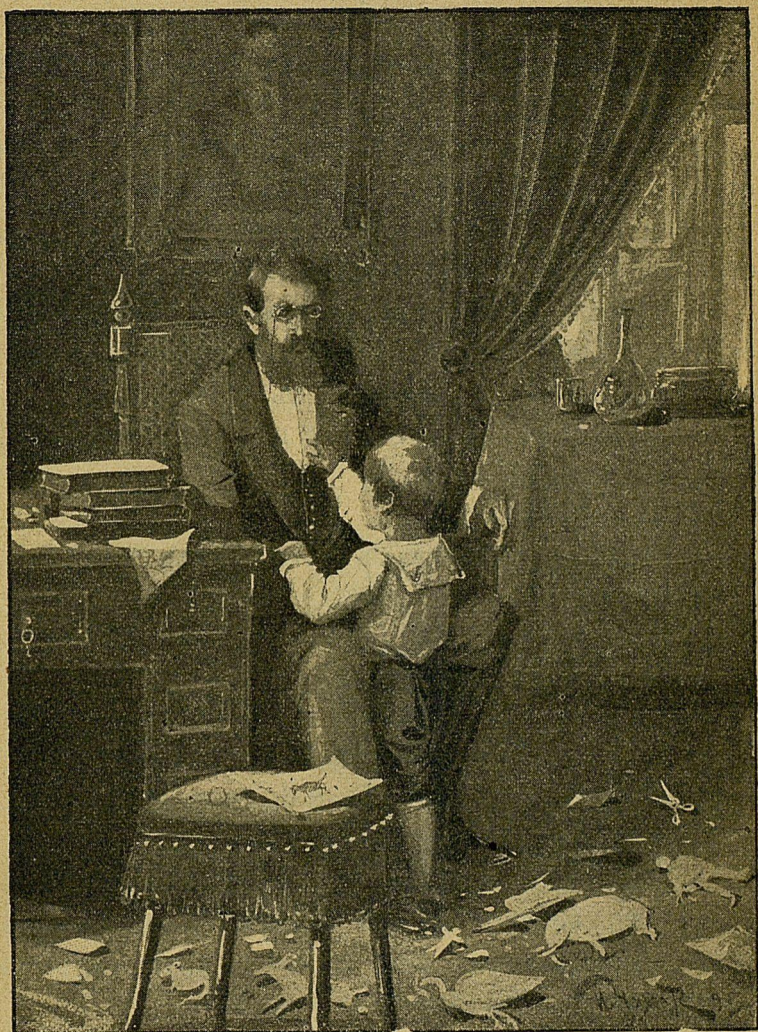
— А обезьяны, попугаи?

— И обезьяны будутъ за тобой кувиркаться, и попугаи сядутъ къ тебѣ на шляпу.

— Хорошо будетъ, хорошо! — прыгнувъ ко мнѣ весело на колѣни, торжествовалъ Буня.

Каріе глаза его горѣли, казалось, онъ уже видѣлъ, какъ звѣри и животныя идутъ за нимъ стадами, пестрыя птицы, съ яркими перьями, вьются

— Хорошо будетъ, хорошо!—торжествовалъ Буя.

надъ голосой его, а впереди всѣхъ онъ, Буня, идетъ и играетъ на своей плѣнительной дудкѣ. Буня обвилъ мою шею, припалъ щекой къ щекѣ и тихо лепеталъ :

— Пойдемъ и ты со мной; возьмемъ съ собою бусъ, цвѣтныхъ ленточекъ... съ дикарями встрѣтимся и подаримъ имъ,—они на насъ нападать не станутъ, можетъ-быть, и накормятъ даже...

— Чудакъ, непременно накормятъ: вѣдь у насъ будутъ дудки. Увидимъ дикарей, сейчасъ заиграемъ,—они насъ и пригласятъ къ себѣ...

— Да, я и забылъ,—вѣдь у насъ будутъ дудки! Пойдемъ, купимъ ихъ!..

— Будемъ искать...

— Развѣ въ магазинахъ нѣтъ такихъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же мы?..

— Говорю, будемъ искать...

— Ты искалъ?

— Да! Когда маленькій былъ, безъ бороды еще, маленькій... И когда съ бородой былъ, тоже искалъ...

— И съ бородой былъ, искалъ?

— Какъ помню себя, все время ищу такую дудку, съ которой лучше жилось бы на бѣломъ свѣтѣ: поигралъ на ней, и всѣмъ кругомъ было бы хорошо и тебѣ самому хорошо.

Буня задумался, сидѣлъ молча и тихо гладилъ мою бороду.

— Чудесная, должно-быть, эта дудка...

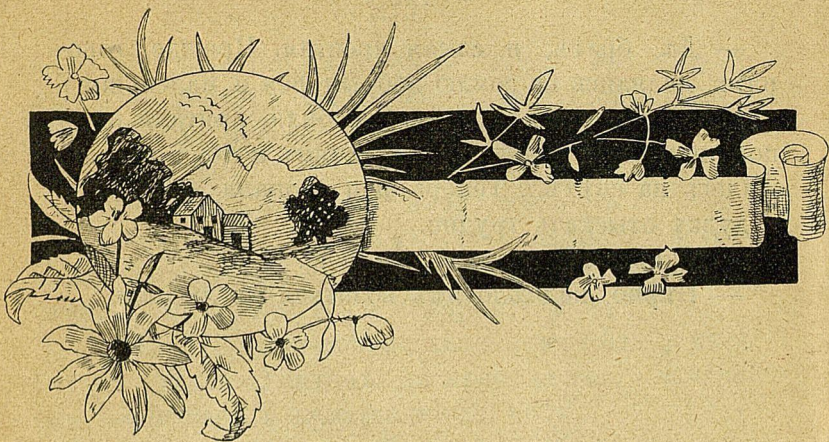
— Да, братъ, и самая простая. Прежде, говорятъ, являлись на землю добрыя феи и маленькимъ дѣтямъ, которыхъ, конечно, любили, прятали подъ подушки такія дудки; этимъ дѣтямъ потомъ хорошо жилось на свѣтѣ... Теперь феи пропали, безъ нихъ и дудку отыскать трудно.

— Отчего же пропали эти феи?

— Вѣрно, надоѣло имъ возиться съ людьми...

Тимоша да Маркуша.

Въ одномъ селѣ каждое лѣто гостили два брата, хотя не родные, но пріятели большіе. Звали ихъ—одного Тимошей, другого — Маркушей.

Смѣлый, бойкій, живой Маркуша любилъ покопаться въ саду, въ огородѣ, въ песочкѣ, — и не безъ пользы... Раньше другихъ онъ узналъ, откуда попадаютъ въ любимый его супъ такими красивыми звѣздочками вкусные кружочки моркови съ краснымъ ободочкомъ и желтой сердцевиной.

Издадека Маркуша угадаеъ по мелкой зелени узорчатыхъ листочковъ, гдѣ прячется, зарывшись отъ завистливыхъ глазъ и острыхъ бѣлыхъ зубовъ, круглый длинный корень моркови и гдѣ онъ крѣпко держится своимъ тонкимъ хвостикомъ за милую его маму-землицу. Огонькомъ свѣтятся у Маркуши глазенки, врозь рассыпаются его бѣлые кудри, когда онъ бойко пробѣгаетъ по зелени огородной.

И туда и сюда тянутся его ручонки... Какъ тутъ устоять, удержаться ребенку! Красивы румяные цвѣты мака, а вотъ ужъ на немъ и зеленые кувшинчики съ зубчатыми вѣнчиками, гдѣ скрылись, притаились темныя крошки-зернышки съ своимъ сладкимъ сокомъ.

— Маковки, маковки, дайте мнѣ поскорѣе пови-
дать, пожевать вашихъ сѣмечекъ! — шепчетъ Маркуша, пробѣгая мимо мака.

Шалунъ-вѣтерокъ раскачалъ малыя, зеленоватыя маковки, — онѣ тихо залепетали:

— Мальчикъ ты, мальчикъ, удалая головка, или не видишь, что мы еще гуляемъ въ зеленыхъ платьицахъ? Наши зернышки сыры, невкусны и мягки, — не скатала ихъ мама-землица своимъ сокомъ въ круглые темные шарики... Не тронь насъ до времени! Ты самъ узнаешь, когда будетъ пора, тогда придетъ наша смерть, — побѣлѣетъ наше платьице, ты услышишь тогда самъ, какъ шумомъ зашумятъ въ насъ неугомонныя зернышки, сами къ тебѣ на зубъ

и на языкъ посыплются,—только знай, подставляй мастерски свой ротъ!

Приостановился Маркуша, вслушивается, что тамъ лепечуть зернышки-маковки, а пухленькая ручонка знай себѣ тянется къ разбросавшимся широко по грядѣ зеленымъ листьямъ круглой здоровой рѣпы. Тянетъ мальчикъ листья, а самъ бормочетъ:

— Да ну же, ну, выльзай скорѣе, покажи-ка свою румяную мордочку, сонуля! Что ты заспалась, залежалась! А, Тима, и ты тутъ?! Вишь, ползеть,—видно, птичку запримѣтилъ?

— Смотри, не спугни, Маркуша; я только на нее полюбуюсь: я ее не трону... Смотри, смотри, какъ она хвостикомъ вильнула!.. Смотри, какъ носикъ свой очищаетъ! Смотри, какія перышки... А-а-а! порхъ! улетѣла!..

И тихо на цыпочкахъ, съежившись, пробирается съ грядки на грядку смуглый, робкій Тима. Вонъ, тамъ, по угламъ огорода, за кустиками и въ кустахъ для него раздолье... Туда часто летаютъ птички попрыгать по вѣткамъ, порасправить свои ножки, отдохнуть отъ полета, попѣть пѣсенки, посвистать, позабавить травку, кустики, чтобы дружныя росли, веселѣй зеленѣли,—и себя потѣшить. Тимѣ раздолье...

— Тима, Тима, куда ты? Постой, погоди меня...

— Нѣтъ, Маркуша, ты вѣдь запрыгаешь, зашумишь,—моихъ птичекъ распугаешь...

Тима замеръ; только по миганію его добрыхъ глазъ можно замѣтить,
что онъ живъ.

— Постой, Тима, помоги мнѣ вытащить эту неговорную рѣпу; а я ужъ, не бойся, буду съ тобой тихо сидѣть подъ кустами, не спугну твоихъ птичекъ...

И вотъ Маркуша да Тима, взявшись дружно за рѣпу, дергъ-дергъ-дергъ ее: оба на грядку повалились — и рѣпа изъ земли выпрыгнула да въ сторону бухъ! отлетѣла, обдавши брызгами земли раскраснѣвшіяся лица довольныхъ, счастливыхъ ребятъ... Маркуша запрыгалъ, мотаетъ непокорную.

— Что, что, упиралась, круглушка! — кричитъ онъ. — Ну, теперь идемъ къ твоимъ птичкамъ.

И дѣти, сдѣпившись рука съ рукой, тихо, осторожно стали пробираться за кусты. Налетѣло птичекъ много-много, и все разныя; свистятъ, трещать, щебечуть, чирикаютъ — каждая по-своему, — видно, что всѣ онѣ рады, довольны, веселы, и теплomu ласковому солнышку и доброму кустику, въ зелени котораго теперь летаютъ, неустанно очищая его за добрый привѣтъ отъ червяка-ползуна, что то и знай ползетъ — ползетъ да листочки объѣдаетъ. Тима замеръ; только по миганію его добрыхъ глазъ да по тихому, ровному дыханію можно замѣтить, что онъ живъ. Маркуша, позабывшись, посматривая въ кусты, изрѣдка принимался болтать ногами... Тогда Тима легонько дергалъ его, и тотъ унимался; силился было Маркуша раскрыть ротъ, чтобы молвить одно, другое слово, но замѣчалъ, что Тима не смотритъ на него, и

принималъ опять спокойное положеніе. Вотъ бойкій, зоркій воробей скакаль-скакаль по кустику, вдругъ, прыгъ — и какъ разъ къ рукѣ Тимы: не выдержалъ мальчикъ, — цапъ его за сѣрое платье. Воробей метнулся въ сторону, громко чирикнулъ:

— Я птица вольная! Зачѣмъ я вамъ, маленькія дѣтки?! Не троньте меня!

А тутъ какъ разъ плотно уцѣпилъ его Маркуша.

— На его тебѣ, Тима! Ишь, какой прыткій; посмотри — да и пустимъ.

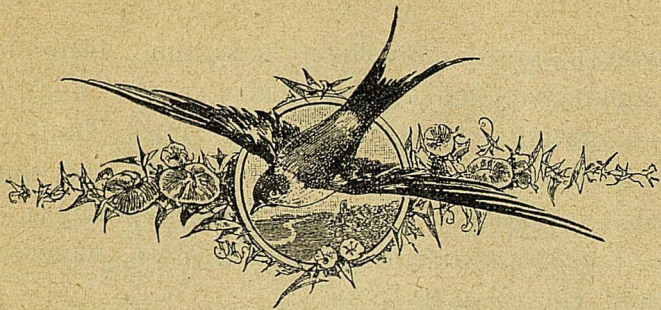
— Извѣстно, пустимъ; я только хочу посмотрѣть, есть ли у птичекъ зубы...

И, раскрывши клювъ воробья, Тима осторожно поводитъ мизинцемъ по твердому языку птички. Убѣдившись, что у птичекъ нѣтъ зубовъ, пустилъ храброго воробья на волю. Живо онъ вспорхнулъ и опять запрыгалъ съ вѣтки на вѣтку, не унимаясь, чирикалъ что-то, рассказывая птичкамъ о своихъ дѣлахъ... Тима съ Маркушей опять улеглись подъ кусты и спокойно себѣ смотрятъ да слушаютъ...

1879 г.

Петръ Васильевичъ.

(Посмертный рассказъ).

Утро. Петербургъ ожилъ, повсюду движеніе; но 3-я улица Песковъ, хотя одна изъ близкихъ къ шумному Невскому, пока тиха и молчалива,—пусто на ней, безлюдно... Но вотъ изъ воротъ второго отъ угла краснаго каменнаго дома вынырнула человѣческая фигурка въ аршинъ ростомъ,—въ синенькой рубашонкѣ, пестрыхъ штанахъ, рваный картузишко чуть не на макушкѣ, козырькомъ на затылокъ, на голыхъ ногахъ не то старыя галоши, не то отрѣзки отъ сапогъ. Мальчикъ вышелъ неторопливо на улицу, поднялъ голову, съ минуту смотрѣлъ на небо, на то свѣтлое пятно, гдѣ должно бы быть солнце, которое, казалось, никакъ не могло выбиться изъ сѣро-молочныхъ облаковъ и освѣтить обширный городъ. Мальчикъ постоялъ - постоялъ съ полураскрытымъ ртомъ, оглядывая небо, и, опустивъ тихій взоръ на мосто-

вую, задвигался черепашымъ шагомъ и что-то внимательно началъ искать.

— Нашелъ!—вдругъ крикнулъ онъ радостнымъ голосомъ; но блѣдное лицо его съ кулачокъ было все такъ же спокойно, даже сонно...

Онъ нагнулся и поднялъ короткую палку, повертѣлъ ее, помахалъ ею торжественно въ воздухѣ и тѣмъ же черепашымъ шагомъ, точно маленькій старичокъ, поплелся въ тѣ же ворота краснаго каменнаго дома, откуда вышелъ. Небольшой дворъ пусть, — ни души человѣческой. Мальчикъ, не выпуская своей находки изъ правой руки, сталъ ходить по двору такимъ шагомъ, точно мѣрилъ дворъ, перевертывая палкой валявшіеся бумажки, камешки, и такъ дошелъ до крыльца деревяннаго флигеля. Здѣсь онъ положилъ палку на нижнюю ступеньку, обнялъ чугунную тумбу и о чемъ-то задумался, закрывъ даже глаза. Вдругъ онъ встрепенулся, точно кто подтолкнулъ его, схватилъ крѣпко палку и медвѣжонокъ не прошелъ, а, казалось, прокатился къ деревянному низкому забору и тамъ, усѣвшись у телѣжки-двухколески, принялся усердно рыть ямку въ землѣ. Онъ рылъ и что-то шепталъ про себя; картузишко свалился съ его головы, и бѣлые, какъ ленъ, волосы теперь топорщились щетиной во всѣ стороны. Мальчуганъ усердствовалъ такъ, что блѣдное лицо его покрылось крупнымъ потомъ, но работѣ не предвидѣлось конца: плотно убитая во дворѣ

земля плохо поддавалась усиліямъ маленькихъ ручонокъ.

— Мальчикъ, мальчикъ! — раздалось надъ его ухомъ.

Онъ вздрогнулъ, поднялъ голову и вопросительно протянулъ :

— Аа - съ ?

— Гдѣ тутъ сапожникъ живетъ? — спросилъ его мягкимъ голосомъ господинъ съ сѣденькой бородкой.

— Сапожникъ? Вонъ, баринъ, въ подвалѣ... Видишь дверь и на ней сапогъ изъ бумажки?.. Такъ онъ тамъ!

На крупныхъ губахъ господина мелькнула улыбка; мальчикъ, видимо, заинтересовалъ его.

— Тебя какъ зовутъ, мальчикъ?

— Петръ Васильичъ! — не глядя, продолжая рыть землю, точно обронилъ нехотя свой отвѣтъ мальчикъ.

— Петя? — мягко переспросилъ господинъ.

— Петръ Васильичъ! — какъ-то строго поправилъ его мальчикъ.

Господинъ засмѣялся; мальчикъ еще больше насунился и снова повторилъ, какъ бы направляя господина, куда ему слѣдуетъ :

— Власъ Петровичъ сапожникъ-то... онъ теперь въ подвалѣ, сапоги чинить... иди, дескать, господинъ, куда тебѣ надобно...

— Ты на этомъ дворѣ живешь? — не отставалъ господинъ, все ласковѣе улыбаясь.

— На этомъ! Тамъ же, въ подвалѣ, рядомъ съ сапожникомъ... у насъ уголъ... Мамка бѣлье ходитъ мыть—въ прачкахъ она, а бабка лежитъ... старая ужъ очень...

— Аа! — сочувственно протянулъ господинъ. — А ты тутъ что же дѣлаешь?

— Да что дѣлаю? Копеечку ищу! Бабка все булочки проситъ, а мамка говоритъ, — нѣтъ у меня лишней копейки-то...

— Откуда же тутъ - то будутъ копейчки?

— Да и мамка говоритъ, что по землѣ онѣ не валяются, а у насъ Ванька, тряпичникъ, жилъ, такъ мнѣ сказывалъ, — пошли они разъ съ дядей по мусорнымъ ямамъ тряпье да кости выбирать, Ванюшка-то и нашелъ бѣленькую монетку... Что жъ? Можетъ, и здѣсь кто обронилъ, а она-то въ сору и завязилась...

Господинъ слушалъ его уже серьезно, и лицо его становилось все грустнѣй...

— На вотъ тебѣ, Петръ Васильичъ, копеечку! — молвилъ онъ, наконецъ, порывшись въ карманахъ пальто, и, вынувъ серебряный гривенникъ, подаль его мальчику:

— Бѣленькую? Сколько въ ней?

— Десять копеекъ!

— Десять копеекъ! Нѣтъ, господинъ, возьми ее... не надо... она твоя, — зачѣмъ мнѣ чужую...

— Я тебѣ даю ее, и она будетъ твоя.

— За что ты мнѣ даешь? Копеечки всѣмъ даютъ за работу... мамкѣ вотъ за бѣлье... а у меня работы никакой нѣтъ — и копейчекъ нѣтъ.

— Ты мнѣ указаль, гдѣ сапожникъ живетъ, — можетъ-быть, доведешь до него?

— Ладно, доведу!

— Ну, и бери за это бѣленькую копейчку.

— Ежели такъ — спасибо!

Петръ Васильичъ поднялся съ земли, опустилъ гривенникъ въ широкій карманъ пестрой штанины, поднялъ картузь, натянулъ его на голову и зашагалъ впередъ, бросивъ господину: «Идемъ!»

Господинъ шелъ за маленькимъ Петромъ Васильичемъ и грустно-ласково улыбался...

— Сюда, сюда, господинъ! Легонько тутъ, гляди подъ ноги - то, тутъ ступенька одна на лѣсенкѣ шатается...

Свелъ господина внизъ, распахнулъ дверь.

— Вона... онъ у окна, сапожникъ... Видишь, съ ремешкомъ на лысинѣ... въ очкахъ? — проговорилъ Петръ Васильичъ и сползъ опять по танцующей лѣсенкѣ во дворъ.

Когда Петръ Васильичъ поравнялся съ дворницкой, оттуда кубаремъ вывалился съ громкимъ плачемъ черноволосый мальчонка лѣтъ четырехъ.

— Сашка, ты что реवेशь? — окрикнулъ его Петръ Васильичъ, насупивъ брови.

— Мам-ка-а по-бить хочетъ, — а-а-а! — оралъ Сашка.

— За что?

— А-а, я кури-ное яйцо-о разби-иль...

— Какъ это ты, какъ? — качалъ головой Петръ Васильичъ и моргалъ красными вѣками.

— Полѣзъ на полку за веревочкой на хлыстикъ, оно и кокъ — полилось... Мамка за пруть... я на дворъ скорѣй... Мамка кричить: «придешь, отдеру!» А-а-а!

Петръ Васильичъ съ минуту подумалъ и сказалъ:

— Ладно... не плачь! Яйцо я достану... садись вонъ подъ телѣгу... сиди тамъ — жди меня!

— Мамка найдетъ — побьетъ!

— Ну, иди, коли, со мной!

Петръ Васильичъ и Сашка выбрались за уголъ 3-й улицы Песковъ и юркнули въ мелочную лавочку.

— Тетенька, почему у васъ яйца? — обратился Петръ Васильичъ къ лавочницѣ, подходя къ прилавку.

— Двадцать копеекъ, Петръ Васильичъ, десятокъ!

Его всѣ поблизости знали и шутливо звали за его маленькій ростъ и серьезный видъ «Петромъ Васильичемъ».

— А одно почему?

— Для тебя только двѣ копейки, — по одному за двѣ не продаемъ...

— Ну, тетенька, давай яйцо и булку, мягкую только!

— У насъ жесткихъ - то и нѣту!

— А пряники вотъ эти парой почемъ?—продолжалъ спрашивать Петръ Васильичъ.

— Двѣ копейки. Такая ужъ цѣна на этотъ товаръ!

— Бери вотъ десять... Сколько съ меня?

— Двѣ — яйцо; двѣ — пряники; три — булка — считай!

— Ты продаешь — ты и считай! Сколько? Лавочница усмѣхнулась.

— Ну, парень! Выходить по-моему семь копеекъ!

— Вотъ тебѣ бѣленькій, тутъ десять!

Петръ Васильевичъ положилъ гривенникъ на выручку и важно поднялъ пальцы обѣихъ рукъ предъ лавочницей... Та подала ему сдачу.

— Прощай, тетенька!

— Бабушка - то здорова ли, а маменька гдѣ? — крикнула уже вдогонку Петру Васильичу лавочница.

Петръ Васильичъ на минуту пріостановился на порогѣ лавочки:

— Бабка лежитъ, а мамка съ утра стирать ушла, — не торопясь отозвался Петръ Васильичъ и вышелъ изъ лавочки.

— Держи вотъ, Сашка, яйцо! — обратился онъ дѣловито къ сѣменившему около него Сашкѣ. — Неси мамкѣ — она и не побьетъ... На пряникъ вотъ, жуй! А этотъ пряникъ твоей Анюткѣ отдай... Она меня угощаетъ; верхніе господа, которые надъ нами

— Тетенъка, почемъ у васъ яйца?

живуть, что ей дадутъ—она всегда меня угощает. Это ей!

Сашка потянулся было съ губами къ Петру Васильичу.

— Не надо, Сашка... я не люблю! Держи яйцо крѣпче, а то опять кокнешь...

Подвернулъ булку, завернутую въ бумагѣ, подъ правую руку, лѣвой зачѣмъ-то сбилъ свой рваный картузишко еще дальше на затылокъ и, не глядя на Сашку, зашагалъ къ своему подвалу.

Блѣдное лицо его было такъ же сонно и спокойно, какъ и раньше. Онъ думалъ теперь о старой бабкѣ, какъ она обрадуется мяконькой булкѣ, какъ она будетъ гладить костлявой рукой его шершавую головенку, а онъ ей скажетъ: «Не тронь, бабушка... закашляешься еще!» Но ему это будетъ пріятно... очень пріятно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Красное яичко	5
Въ родномъ селѣ.	22
„По грибы“	37
Сонъ Оли	56
Не рви цвѣтовъ—они недолго живутъ	76
На лѣтнихъ вакаціяхъ	85
Въ дѣтской. (Картинка)	94
Снѣговые человѣчки. (Картинка-силуэтъ)	100
Мой пріятель Буня.	106
Тимоша да Маркуша	112
Петръ Васильевичъ. (Посмертный разсказъ)	118

VIII - 4 4 5 8

НОВЫЯ КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Богато иллюстрированные изданія.

БѢЛЬСКИЙ, Л. П. Вечернія зорьки. Сборникъ сказокъ, рассказовъ и стихотвореній. Ц. въ папкѣ 1 р.

ЕГО ЖЕ. Думки. Сборникъ легендъ, балладъ, стихотвореній и рассказовъ. Ц. въ папкѣ 1 р.

ЖЕЛИХОВСКАЯ, В. П. Мозаичная переписка. Романъ для юношества въ письмахъ. Ц. въ папкѣ 1 р.

ЕЯ ЖЕ. По берегамъ Чернаго моря. Ц. въ папкѣ 60 к.

КИПЛИНГЪ, Р. Маленькія сказки. Ц. въ папкѣ 75 к.

ЛУКАШЕВИЧЪ, КЛ. Сказки для самыхъ маленькихъ дѣтей. Отдѣлъ I. Для малютокъ отъ 3 до 6 лѣтъ. Отдѣлъ II. Для дѣтей отъ 6 до 8 лѣтъ. Ц. въ папкѣ 80 коп.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, Вас. И. Исторія брошеннаго мальчика. Ц. въ папкѣ 1 р.

ЕГО ЖЕ. За далекихъ братьевъ. Ц. въ папкѣ 1 р.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Крестоносцы. Историческій романъ для юношества. Ц. въ папкѣ 1 р.

СТАЛЬ, П. Серебряные коньки. Ц. въ папкѣ 1 р.

ТОМПСОНЪ, Э. Сетонъ. Герои изъ міра животныхъ. Переводъ съ англійскаго Л. Б. Хавкиной. I. Бродячая кошка. Ц. 25 к.—II. Бэдленскій Билли или Волкъ-побѣдитель. Ц. 20 к.—III. „Арно“. Исторія одного голубя. Ц. 15 к.

ЧЕХОВЪ, Н. В., и СКВОРЦОВЪ, Н. А. Родные поэты. Для начальныхъ училищъ и подарка дѣтямъ. Вып. I. Для средняго отдѣленія. Ц. въ папкѣ 40 к.

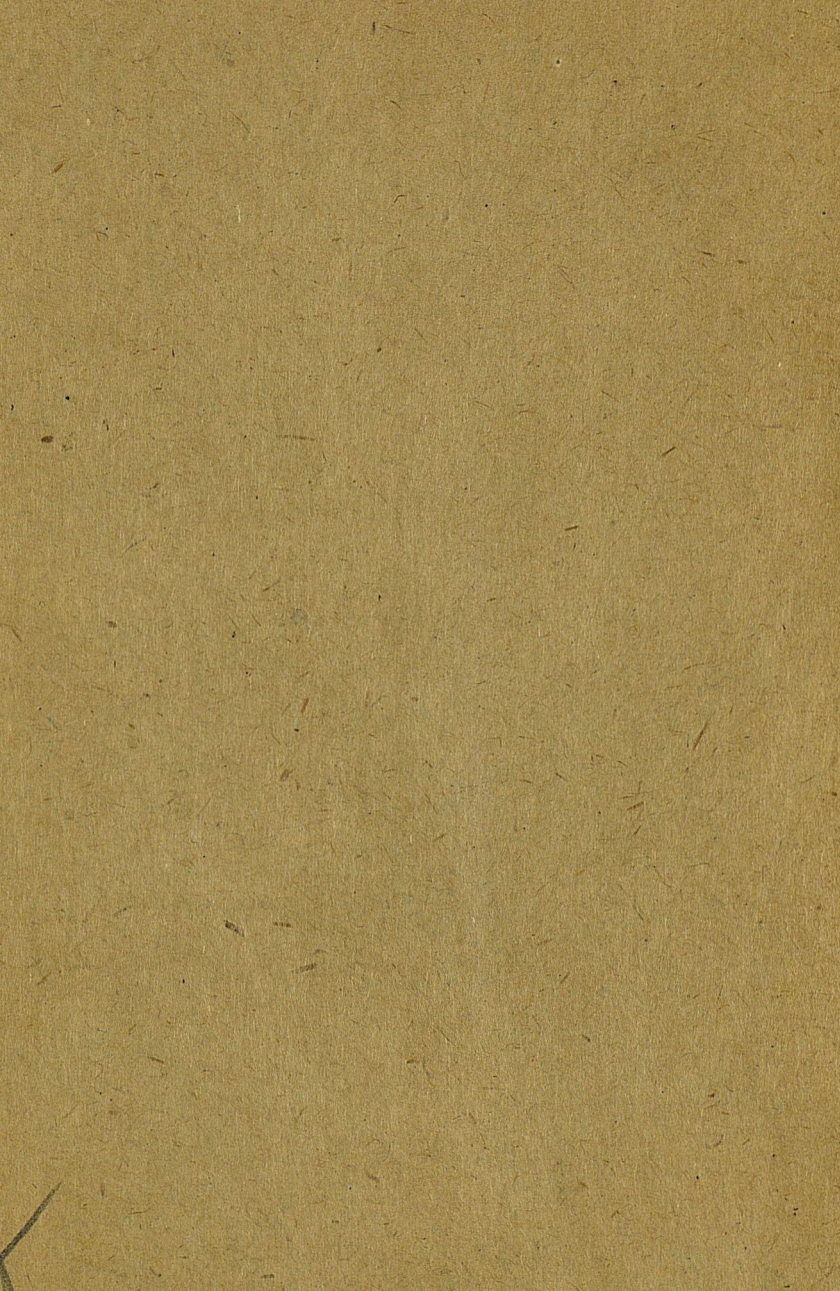
Л. П. Шелгунова.

Русскія сказки.

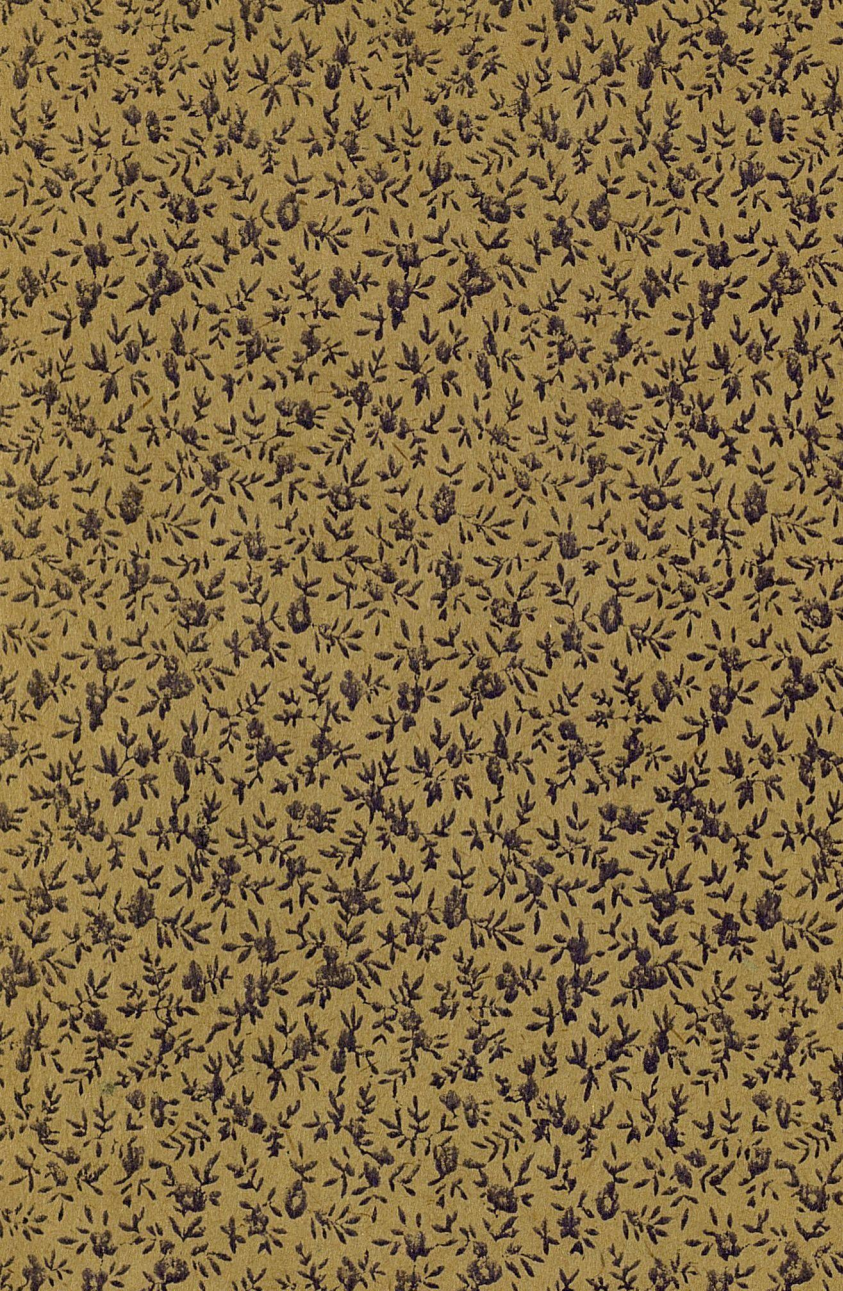
Крупный, четкій шрифтъ. Масса иллюстрацій извѣстн. художниковъ.
6 выпусковъ. Ц. по 15 коп. за выпускъ.

—** Цѣна 50 коп. **—

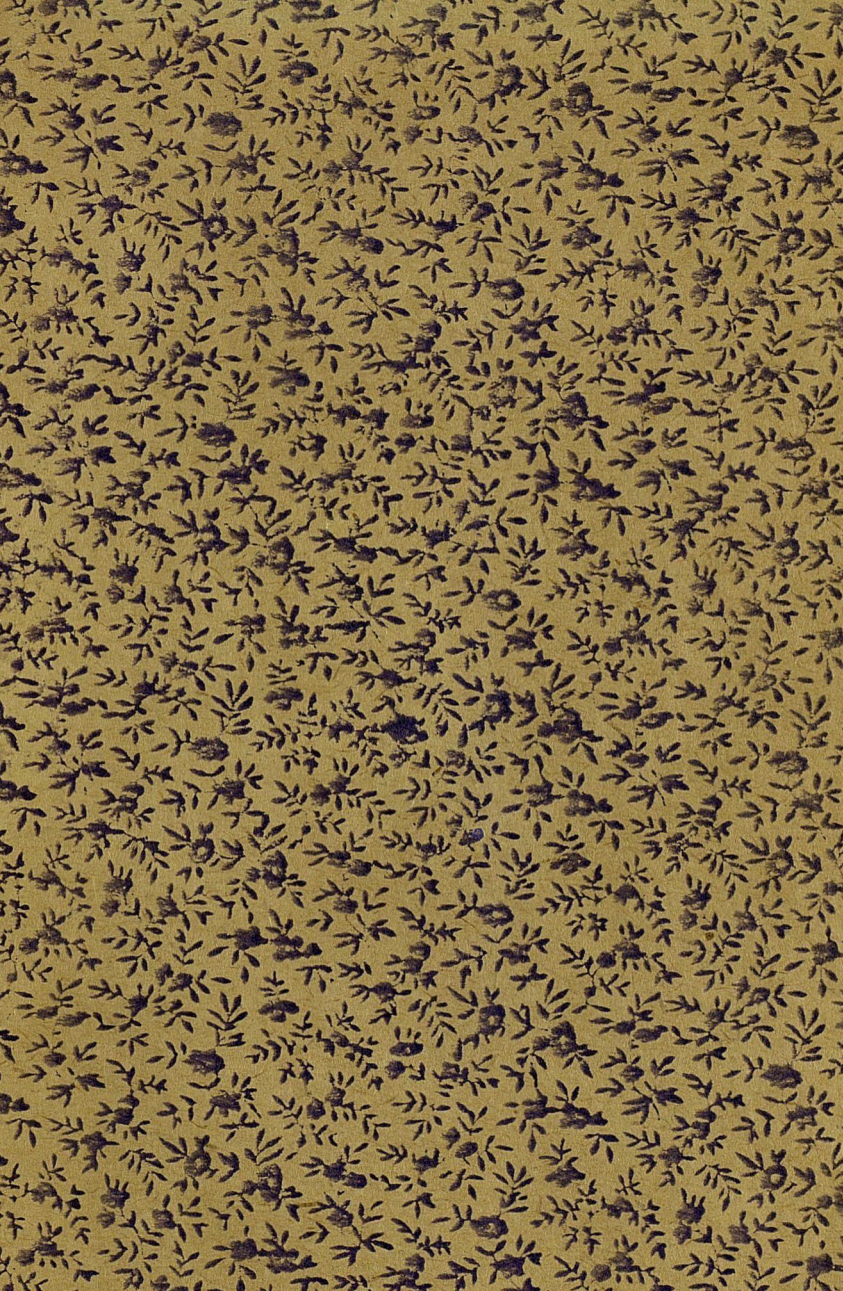

2007085517